

Александр КОСТЮНИН

г. Петрозаводск

АБХАЗИЯ: ВОЙНА И МИР (ДНЕВНИКИ ПОЕЗДКИ)

*Нугзару Нуриевичу Салакая,
заоблачной вершине,
восьмому святилищу Абхазии,
моему другу и проводнику,
открывшему путь в обитель души,
посвящается эта книга*

журнальный вариант

Экскурс в историю

*Кто в Абхазии не бывал,
тот Кавказа не видал.*

Абхазская поговорка

Я опять направлялся в беспокойный регион планеты, опять за правдой!

Двадцать лет тому назад между Абхазией и Грузией произошёл вооружённый конфликт. Не мышиная там возня, не тараканы бега – настоящий, полномасштабный. Сперва шла война законов, потом разразилась кровавая битва... с тысячами раненых, убитых. После войны 1992–1993 годов, которую абхазы называют отечественной, от Грузии отпочковалось суверенное государство – Республика Абхазия. На сегодня в мире его признали такие супердержавы, как Науру, Никарагуа, Венесуэла и Россия. А Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Абхазия по-прежнему признаётся частью Грузии. Как? что? почему? – неизвестно.

Раз еду, нелишним будет узнать хронологию событий, подковать себя по истории региона, проштудировать литературу, покопаться в Интернете...

Итак...

По данным выдающегося абхазского учёного Инал-Ипа, «в 1801 году Восточная Грузия, а вслед за этим западные области страны, в том числе и Абхазия, одна за другой присоединились к Российской империи»¹. Шалва Денисович сообщает: «В 1810 году владетель Абхазии Георгий – сын Келешбея – обратился к русскому правительству с просьбой о присоединении. Император Александр I удовлетворил пожелание абхазского правителя, 17 февраля 1810 года издал манифест о присоединении Абхазии к России. А с 1883 года Абхазия, перестав существовать как отдельная административная единица Российс-

¹ Ш. Д. Инал-Ипа. Абхазы (историко-этнографические очерки), 1965 год.

кой империи, вошла в состав Кутаисской губернии под названием Сухумского округа». Эдак именовалась она официально до мая 1919 года.

В 1917 году в царской России, помните, произошла заварушка, дров наломали!.. (До сих пор разгрести не можем.) Империя приказала долго жить, на её месте образовались Россия Советская и советские же республики. В декабре 1921 года Республика Абхазия заключила союзный договор с Республикой Грузия, а в 1931 году Абхазия вошла в состав Грузинской ССР на правах автономии. (Характерная деталь: в 1965-м, в год издания своего научного труда, авторитетный абхазский учёный безусловно считает Абхазию частью Грузии – надо запомнить, вдруг пригодится!) Вхождение произошло тогда добровольно (заметьте, добровольно!) по решению товарища Сталина и горячей просьбе трудящихся.

Ладно, Сталин... С ним всё ясно.

Но чаяния трудового народа поддержала и творческая интеллигенция, самозабвенно слагая оды, вдохновенно исторгая из лужёных глоток заздравные рулады:

*Мы верной дорогой идём,
И знание – наше оружие,
И сила – народов содружье.
Мы вместе везде – на морях,
В долинах, в скалистых горах.
Так ныне живём!*

Или вот «Голос Ткварчели»:

*Разноязычный
Говор вокруг.
Майзель, Гриценко,
Орлов, Полищук,
Нушке, Бакрадзе...
Немец, грузин,
Сван и абхазец –
Все как один
Машут кирками,
Камень дробят.
Крепче, чем камень,
Дружба ребят.*

Народные поэты Абхазии наперегонки, без устали слагали мадригалы, серенады, гимны в честь дружбы народов, в честь Великого Сталина, который организовал красное шапито. Самый-самый народный – Дмитрий Гулиа! Его произведения охотно изучались в колхозах, в школах. Беспре-

дельная любовь к вождю и отцу всех народов Сталину – вот что особенно ярко окрашивает их:

*Над горами снеговыми
Бродят облаков стада.
Нам твоё сияет имя,
Мы душой с тобой всегда.
Счастье, радость заблестали
Над советскою землёй.
За тебя, великий Сталин,
Жизнь готов отдать любой.*

А Киазым Агумаа в «Песне колхозников» красной нитью проводит мысль:

*Не узки дороги наши,
Нам широкий путь открыт.
Мы счастливейшими стали,
Труд и родину любя.
Славься наше солнце – Сталин,
Вождь, благодарим тебя.*

Ну, допустим, это «гуманитарщина»!

Однако первый из первых, светоч абхазов – Нестор Лакоба, выступая с речью на XV съезде партии, тоже восторгался: «Абхазия, в прошлом угнетённая, обречённая на физическое вымирание, теперь, находясь в составе Советской Грузии, вполне свободна и культурно, и хозяйственно развивается с каждым годом»².

Не знаю, как вас, меня растрогало до слёз.
Какая идиллия!..

Так что же с братскими народами случилось потом?

Ведь, чтобы сосед стрелял в соседа, брат в брата, причины нужны веские... Для Грузии по сей день Абхазия – её неотъемлемая часть. Для абхазов, с момента самопровозглашения, кусочек черноморского побережья 170 x 65 км – их законное государство, исконная земля предков, не зря у земли и название такое. Кто имеет больше оснований называть эту часть побережья Чёрного моря своей? Чья, по правде, эта земля? Территориальный конфликт возник из-за того, что каждая из противоборствующих сторон уверяла: моя! После 1985 года Абхазия официально начала проводить работу по отделению от Грузии и созданию Союзной Республики в составе СССР.

² Газета «Голос трудовой Абхазии» от 22 января 1924 г.

* * *

Где родился Адам?

В Дагестане в каждом ауле мне объясняли популярно: прародитель – их аксакал. Показывали его саклю, личные вещи... Так и в Абхазии всякий грудничок твёрдо знает: «Ковчег Ноя на Ерцаху находится». И молодцы! Любить маниакально, до готовности самопожертвования свою родину – верно. Патриотизм не должен быть подвержен инфляции, капризам моды... А вот интересно, кто появился раньше – грузины или абхазы? Читаем: грузинские и абхазские учёные солидарно, в один голос призывают в поисках ответа на этот ключевой вопрос нырнуть вслед за ними в историю, в археологию... в века.

Остерегитесь от этого опрометчивого шага!

Обычному человеку углубляться в века, закапываться вслед за историками дальше XIX века не стоит... Поверьте! Добираться до первопричины, до прародителя народов не следует, а то получится, как в анекдоте.

Учитель на уроке географии:

– Вовочка, скажи, куда мы попадём, если просверлим нашу планету насквозь.

– В сумасшедший дом!

Не вдаваясь в детали, общий смысл дискуссии сводится вот к чему: одна сторона уверяет, будто бы человек произошёл от абхазов, оппоненты едко посмеиваются.

Война шла с грузинами.

Я решил выяснить: а кто вообще такие «грузины»?

Существует множество этнографических групп: аджарцы, гурийцы, картлийцы, кахетинцы, имерхевцы, ингилойцы, лечхумцы, месхетинцы, мохевцы, мтиулы, пшавы, рачинцы, тушинцы, ферейданцы, хевсуры, чвенебури. И три субэтнические группы: мингрелы, сваны, лазы³. Грузин (самоназвание – картвелеби), значит, житель Грузии. (До 1992 года абхазов в СССР и в мире тоже считали грузинами.) Так все жители Страны гор – дагестанцы, независимо от папы-мамы, даже если сами они об этом не догадываются: и аварцы, и лезгинцы, и чеченцы, и русские, и кумыки, и евреи...

А как думаете, легендарный трёхкратный чемпион мира по вольной борьбе из села Ачандара Гудатского района для иностранцев кто?

И ещё: какая вера в Абхазии?

Пишут разное... Вроде бы раз Кавказ, значит – ислам.

Серьёзная религия, с непривычки даже может показаться военным орденом. После Дагестана так и стучат в висках выразительные строки «Медина – Мекка» («Вихри враждебные...» пожиже будут)⁴:

*Все мы, граждане, твёрдо знаем,
Что в начале седьмого века
Под весёлым зелёным знаменем
Шёл пророк из Медины в Мекку.*

*Львы рычали, ослы кричали,
И, осыпаны бранной пылью,
Бедуины прямыми мечами
Городские брони рубили.*

*И несло над войском Медины,
Разлетаясь искрами паник:
Нет Бога, кроме Единого,
И Мухаммад – Его посланник.*

*Шесть посланников в мире зримом,
А седьмого – земля не стоит.
Был Адам и Нух с Ибрахимом,
И Муса, и Дауд с Исою, –*

*Мир не видел ещё такого,
Что рождает земля Аравии.
Конь бьётся, задрав голову,
Выбивая пламя из гравия.*

*Так орали эти номады
На рысях, дорогой короткой
За посланником Мохаммадом,
Молодым, с подбритой бородкой.*

*А дорога под ним гудела:
Это было дело святое,
Это было верное дело,
За которое драться стоит.*

*Так давайте подыдем чаши,
За фанфары седьмого века,
За счастливое время наше,
За дорогу Медина – Мекка,*

³ Материал из Википедии – свободной энциклопедии.

⁴ Хмельницкий Сергей. «Медина – Мекка».

*За зелёный огонь ислама
От Хивы до Дженералифа,
За двенадцать святых имамов
И святых четырёх халифов,*

*За первейшую пядь дороги,
За начала начальный атом,
Что расстелется нам под ноги
Завоёванным халифатом.*

У абхазов красивый государственный флаг. Вот только нигде не нашёл расшифровку символов...

На форуме утверждают: на флаге Абхазии изображена рука тонущего человека. С трудом верится... Как приеду, обязательно расспрошу специалистов. Об этом и многом другом не узнаешь из противоречивых статей.

Я скрупулёзно разбирался во всём сам, лично, на месте.

Познакомился с обычаями, традициями народов, населяющих одну из жемчужин планеты – Абхазию, – и вложил свою душу в эту книгу.

Начало маршрута

У меня есть королевство, правда оно маленькое, но оно обозначено на карте. Вот карта, а вот увеличительное стекло, без него не видно...

Фильм «Старая, старая сказка»

Абхазия – махонькая сказочная страна Закавказья.

Размером с бурку...

Страна до того крохотна, что её не разглядеть на карте без увеличительного стекла. Но вы не думайте, будто там всё маленькое, игрушечное. Вовсе нет. Там горы-громады, бездонные ущелья, исполинские деревья и необъятное ласковое Чёрное море...

Маршрут мой по Абхазии начался в столице Сухум. В советские годы произносилось иначе – «Сухуми», но после победы в отечественной войне местным названиям вернули исконное произношение. Так вот в Сухуме повезло: правительство республики снабдило меня рекомендательным письмом – выдало подорожную, как сказал бы путешественник времён Российской империи, и я приступил к бытописанию.

Как именно собирать материал, определился давным-давно...

В стародавние времена, ещё при царе Генсеке, я служил на комсомольской работе в райкоме, затем в горкоме ВЛКСМ. Потому, уж извините, некоторые формы, методы столь въелись в мою суть, что без них никуда. Раньше, бывало, готовясь к пленуму, конференции, мы загодя планировали докладчиков по строго утверждённой разрядке: представитель вышестоящей организации, одна колхозница, два рабочих, ветеран, военнослужащий, пионер, секретарь первичной организации и, на закуску, парочка активистов. И потому сейчас, по старой привычке, я решил придерживаться проверенных методов работы – равномерно, никого ни в чём не ущемляя, представить абхазское общество. В итоге мой джентльменский набор собеседников выглядел так: ветераны отечественной войны 1992–1993 годов, писатели, фотографы, вор в законе, священнослужители, жрецы, ясновидящая, президент страны, военные, главы администраций, учёные, спортсмены. (Вроде никого не обделил вниманием, никого не забыл.)

А теперь внимание!

Первым делом хочу познакомить вас с главным редактором районной газеты «Гал» Нугзаром Нуриевичем Салакая. И дело, конечно, не в газете. (Хотя, спору нет, орган печати необычный – выходит на трёх языках: абхазском, русском, мингрельском.) Человек этот – уникал, каких поискать... По масштабам личности Нугзар не влезает ни в какие рамки. Он стал моим проводником по всей-всей Абхазии! Можно купить дорогие часы, но нельзя купить время. Нугзар мне своё время подарил. Он, кстати, популярно объяснил, что означают символы на государственном флаге Абхазии:

– Раскрытая белая ладонь на красном фоне – символ абхазской государственности, которая оформилась ещё во времена Абхазского царства и насчитывает двенадцать столетий. Семь пятиконечных звезд над ладонью выполняют функцию магического оберега и символизируют семь святилищ. Зелёно-белое чередование полос – образ веротерпимости народа, ислам (зелёный цвет) всегда мирно сосуществовал с христианством (белый цвет).

– По-ня-я-я-тно.

Повезло мне с проводником!

Помню, как познакомились, он предложил зайти в кафе, тяпнуть за знакомство:

– Событьник, в культурном смысле слова, означает единомышленник. Ты хочешь вино сухое, и я хочу вино сухое – чувствуешь, уже что-то общее.

Это плацдарм. Дальше сближение пойдё-о-от. Кроме того, абхазское вино – мудрое, оно само подсказет тему беседы, поможет найти нужные слова...

– Грандиозно!

– Ты не подумай, совсем непутёвых, подзаборных в Абхазии нет. Да, выпивают. Кругом такие горы, такая красота... Что делать?

Не скрою, первый номер программы меня обрадовал. Я азартно потёр ладошки: «Где вино пьют, там и наш приют». Не пить в Абхазии – некультурно. Здесь даже берёзы, символ русской целомудренности, – пьяные...

Однако не успел я почувствовать себя Шуриком в увлекательной этнографической экспедиции, как беседа наша резко уклонилась в сторону от разудалых шуток-прибауток. Сперва Нугзар предложил тост за Всевышнего – выпили стоя, затем, помрачнев, он выдал:

– Александр, главная достопримечательность Абхазии – не пляжи, не горы, не солнце-море. Наша главная гордость – победа в отечественной войне. Тебе обязательно нужно в первую очередь рассказать о ней. О тех, кто подарил нам мир! Познакомлю тебя с ветеранами, с настоящими людьми, кто смотрел смерти в лицо и не отвёл взгляда...

С теми, кто сражался за Родину.

– Значит, война...

Они сражались за Родину

Джамал Шуген и Гурам Габечия

Центр реабилитации в Гаграх.

– Мы уже забываем, что не все и не сразу вызвались защищать Абхазию, первая горстка добровольцев была скромной. Это сейчас, послушать, все герои. Есть люди, получившие медальки за компанию, по благу.

– Смотря с кем будете говорить, а то начальство таких вояк подсунет... пустышек, – седой ветеран пренебрежительно отмахнулся от меня, собираясь уходить.

– До вас встречался с Чёрным капитаном, его ведь не назовёте «пустышкой»?

– !!!

Мужики не смогли сдержать одобрительные возгласы:

– О! Да! Чёрный капитан – настоящий воин.

– Потом ещё... – я порылся в блокноте, чтобы не перевернуть фамилию, – Вардания.

– Славик? – радостно встрепенулся Гурам Габечия.

– Да-да-да!

И взгляд Джамала сразу потеплел:

– Это мой командир. С первого дня личный мой командир.

– Хороший или так себе?

– О-о-о! Очень хороший. Он за своего солдата куда хочешь пойдёт, насчёт этого молодец. Настоящий, чистый абхазец.

Я набрал по мобильнику Вардания, передал трубку однополчанам. Последний холодок в отношениях с бойцами исчез, дальше шёл откровенный разговор.

– Расскажите о первых минутах войны, – попросил я.

Гурам покопался в памяти:

– На свадьбе с приятелем всю ночь пили-куролесили, утром возвращались домой. Спать хочется... По трассе едем, что за чёрт?! Глазам не верю!!! Девушка в одних плавках, без лифчика...

Я сразу другану:

– Ора, у меня белая горячка.

А я-то учёный, я-то знаю уже, что нужно делать во время белой горячки, старики объясняли: рубашку сразу стащил, вывернул наизнанку, снова напялил. Пальцы вытянул вперёд – не дрожат. Странно...

И тут кореш как заорёт:

– Гурам, смотри!

Со стороны пляжа бежали полуголые люди, над ними проносились самолёты и бомбили.

Останавливаем парня с девчонкой:

– Что случилось?

– Война.

Я мингрелец, вся родня в Грузии, но себя считаю абхазом. Если снова война начнётся, пусть инвалид, снова встану в строй, заберу с собой хотя бы двух-трёх тварей божьих.

– И на фронте не все герои. Гурам, помнишь взятие моста?

Тот кивнул.

– Вечером поставили боевую задачу, а под утро, когда всех построили, начались отказники: у кого ухо разболелось, кому мама приснилась в нехорошем сне, просила не ходить в этот бой, у третьих с сердцем плохо. В итоге на мост полторы сотни пошло, остальные включили задний ход. Тогда много ребят погибло. Моему соседу осколком полчерепа снесло, рану залепили глиной, повезли в медсанбат. О-ох...

Я не удержался:

– Нет ли у вас сожаления, что воевали, а теперь вот раненые, по госпиталям...

– Да, ребят много положили, сами инвалиды, зато сейчас, на миллион процентов, мы свободные люди. Наши старики всю жизнь мучились, им дышать не давали, а теперь на своей земле стоим.

– Мы все когда-то умрём, кто раньше, кто позже, – поддержал Джамал, – а погибнуть с оружием в руках, защищая родину, – честь высокая. Когда уйду, знаю: наш отец, Владислав Григорьевич, там меня ждёт и примет как родного сына.

– Да, да! – хором поддержали мужики. – Вечно живой для нас.

– Владислав Ардзинба стоял до конца: «Я с вами! Я с вами! Я с вами!» Такого президента ни у кого не было. Наш отец!

В России мне такого слышать не доводилось...

Действующему начальнику у нас поют дифирамбы, сладко-хвалебные оды, соревнуются, кто виртуозней лизнёт, но стоит вождю оставить пост – вслед летят куски дерьма: «В Кремле Л.И.Брежнев принял индийского посла за британского и имел с ним продолжительную беседу» – абхазский президент от подобных анекдотов застрахован.

В жерновах истории перемалывался народ маленькой Абхазии.

Кто выжил – настоящие люди, сталь...

Во время войны в ходу лишь твёрдая «валюта». Каждый вынужден проявить своё истинное лицо, подлинную суть. Обычную учтивость, достаточную в мирной жизни, приходится менять на готовность к самопожертвованию. Только так можно заслужить желанную награду – товарищескую преданность. Душа становится сильной, сердце пламенным! (В минуты наивысшего напряжения заметно, как человек растёт.) Именно в поисках чистой породы, человеческих самородков я стремлюсь в регионы, которые горе накрыло чёрным крылом. Глотнуть там кислорода... чего-то стоящего.

Истинного!

Вячеслав Вардания

– Ну как? – поинтересовался Нугзар.

– Сильно!

– Я ещё обязательно познакомлю тебя со своими боевыми друзьями.

– Так ты что, тоже воевал? Расскажи...

– Потом как-нибудь... Сейчас едем на встречу с Вардания.

Вячеслав Вардания по специальности скульптор-керамист. Профессия редкая, мирная... трудно найти более мирную. Мы пересеклись с ним в сутолоке Гальского рынка.

Я с уважением пожал руку:

– Скульптор – коллега Бога: из глины лепит существа, вдыхает в них душу.

Вячеслав заметно погрустнел...

– Тема большая!.. Бросил я любимое дело... права не имею заниматься искусством. Творчество – служение святое, а у меня руки в крови по локоть. Даже не прикасаюсь к глине, могу оскорбить создание.

Беседуя, мы шаг за шагом сдвинулись к обочине, в тень.

– Я с детства жил в Москве, уважение к России впиталось с молоком матери. Когда Абхазия вступила в предраспадное состояние, вернулся на родину. Здесь сразу включился в национально-освободительное движение, понимал: война неизбежна. Мы, кавказцы, раз уж завелись, не умеем мирно разойтись, как чехи и словаки. Молодой-то я горячий был... Просто ростом не вышел, а так трёхкратный чемпион Грузии по вольной борьбе.

В 1903 году, по данным переписи, которую проводила царская Россия, в Абхазии жило 2% грузин, а в 42-м году «Переселенстрой», по решению Сталина, заполнил весь край. Абхазы помогли им обустроиться: несли продукты, одежду, строительные материалы... По-братски разделили очажную цепь. А через полвека они отплатили за наше добро, гостеприимство, развязав войну. Абхазский народ долго не сможет этого простить. Даже спустя двадцать лет их вернуть сюда невозможно – вырежут...

А начиналось всё незаметно...

Помню, готовился тогда к персональной выставке, все свои лучшие работы собрал, систематизировал, составил каталог... И прямо в мастерскую – пятисоткилограммовая бомба! Прямое попадание!!! Всё разнесло. Вся коллекция погибла моментально. Решил – знак свыше: надо самое дорогое отложить в сторону, переступить через него, взять в руки оружие и защищать Родину. Ты сейчас спросил, и на меня холодным ушатам – воспоминания. Кого тут только не было!.. В сопровождении замминистра обороны России прилетал Березовский, делал чартерные рейсы между Шедарнадзе, Ардзинба, Ельциным. На территории Абхазии я участвовал с ним в переговорах. Березовский не политик – коммерсант, бизнесмен с рождения. Он заявил: «Отдайте мне в собственность Пицунду, сделаю, чтобы Грузия и Россия

смирились с вашей независимостью. После этого весь мир будет вынужден признать вас».

Когда России некогда было играть в державность, мы строжили Грузию на коротком поводке, не дали ей вступить в НАТО. Теперь, конечно, забывается. Да, вот совсем недавно случай... Хутор в местечке Аигба, в Гагринском районе прямо на границе с Россией в верховьях реки Псоу. Во время войны оползень полностью отрезал население от связи с центром. Адлеровский район не остался безучастным, спасибо! пробили к селу дорогу и всех жителей – двадцать семей – сделали гражданами России: обеспечили пенсиями, социальным пакетом. Сегодня настаивают, чтоб территориально деревня вошла в состав РФ, мол, юридически надо оформить. Депутаты Госдумы, человек сорок, приехали в парламент утрамбовывать нас: «Отдайте!»

Ну как это – «отдайте»? У абхазов должна оставаться хотя бы иллюзия самостоятельности.

Чёрный капитан

Вячеслав Вардания остановил меня жестом:

– Плохой из меня рассказчик, Александр. Я обычный командир батальона, а тебе нужен герой. Есть такой... Человечище. Мужчина. Абхазец. Заур Адлейба, позывной – «Чёрный капитан». Во время войны командовал бригадой. Мы с ним боевые друзья. Скажу ему: сутки простоять по горло в ледяной воде – будет стоять.

– Нугзар, ты слышишь, нужен Чёрный капитан, – я сделал пометку в блокноте.

– Найдём.

Но это оказалось не так просто. Все попытки связаться с ним не приводили ни к чему. Причём каждый следующий собеседник, будто нарочно, рекомендовал найти именно Чёрного капитана. В один момент мне даже стало казаться, что никакого Чёрного капитана не существует вовсе... как Карлсона. Всё выдумка!

И повезло-таки...

Он шёл на контакт неохотно, так выходит своей тропой из оклада матёрый волчара, окольцованный красными флажками. Однако, когда познакомились, лёд растаял.

Мы много о чём переговорили по душам, но всё не для открытой печати. Приведу лишь фрагмент его монолога, самый-самый безобидный:

– В конце октября меня назначили командиром батальона «Каскад». Прошло дней пять, поступает приказ о наступлении. С той стороны возвышен-

ность, мы попали в мандаринники. Мандаринники – деревья густые, не видно в двух метрах. Там стрелковым оружием не сделаешь ничего – рукопашный бой. Такого боя представить не мог: ножом, прикладом, ногами, руками, зубами... Стрелять невозможно: не знаешь, где друг, где враг, должен чувствовать «свой-чужой». А против нас тоже волки... Там мы, конечно, натворили дел. Больше ста человек положили за двадцать минут. Захватили несколько раций, в том числе поисковых. Выходим на их волну, грузины в панике орут, просят помощи из Очамчыры:

– Помогите-ее!!!

– Что с вами?

– Нас здесь порезали всех.

– Доложите толком.

– Гоните сюда бронетехнику, что есть, людей давайте!!!

– Кто порезал?

– Не знаем!.. Какой-то чёрный капитан!!!

Это сейчас я весь седой, никому не нужный... Тогда бравый: у меня густая шевелюра, борода смоль, форма капитана Советской армии.

С тех пор так и прилипло «Чёрный капитан».

Лаврентий Миквабия

– Во время войны меня выбрали командиром полка, но сидеть в тиши штабов с картами не довелось – с пулемётом в атаку ходил. Четыре раза контужен, ранен. Много потерь несли, гробов не было – хоронили в шифоньерах.

Побывал даже за линией фронта: вёл от имени командования переговоры с грузинским генералом Лучадзе. Прежде тот служил в генеральном штабе советских тогда ещё войск, холёный такой, чистенький, в мундире, а у меня штаны в латках... На столе водка, баранина, фрукты... от запахов в голове туман. Он оценивающе так окинул меня взглядом:

– Ты что-нибудь командное кончал?

– Нет. После училища – лейтенант, выбрали командовать полком.

Голову опустил, задумался:

– Глянь на моих полковников.

У одного интересуется:

– Сколько в подразделении человек?

– Пятьсот.

– На позиции сколько?

– Триста пятьдесят.

– А у тебя?

Молчу.

– Знаю, пятнадцать человек стоит!

Нету у меня людей, прав генерал, да только некуда нам отступить. Мы здесь родились, сражаться надо до конца. На прощанье генерал с глазу на глаз признался:

– Вы непобедимы, пацаны.

Я впервые отчётливо понял: внутренне они надломились, дрогнули, дух оказался жиже нашего. Подобная информация тогда, на первых порах, дорогого стоила. Помню взятие Кинги... Против нас стояли хохлы. Доложу вам, дрались серьёзно, не отступили, не трухнули, отстреливались до последнего патрона. Двоих взяли в плен: один лежит весь в крови, второй, когда я в траншею заскочил, бросился в ноги:

– Ты же офицер. Прошу: не трогай раненого, делайте что угодно со мной...

Обычно во время боя мы в плен не брали, но его слова повергли в шок... Да, он – враг, но враг достойный, уважаю таких. Солдат, который жалеет врага, – плохой солдат. Но ведь прежде я человек... Приказал не трогать, позже на него обменяли нашего бойца. Такие моменты не забываются, хотя ярче для памяти не стрельба, не смерть, не кровь. Острее всего помню, когда впервые после долгих месяцев блокады увидел хлеб: во время боя ворвался в грузинский блиндаж, смотрю – на гвозде авоська с круглым пшеничным. Бой идёт, я, не прерывая стрельбы, умял буханку. В блокаде всего не хватало, всего в обрез! Когда кончилась солярка, КамАЗы ездили на трансформаторном масле, когда закончилось и оно – перешли на мазут: заливали в канистру, нагревали, пока жидкий, заводили движок, канистру ставили на глушитель, чтоб постоянно тёплый.

Сейчас выстрелов не слышно, однако мир относительный...

Ситуация предгрозовая.

Гальский район перенасыщен оружием, оно ждёт своего часа и обязательно выстрелит. Потому автомат не сложил – со мной всегда. Сильно не расслабишься, голова возвращается на триста шестьдесят градусов.

Славик Квеквесири

Славик Евгеньевич – председатель Народного собрания Очамчёрского района.

Несмотря на выходной день, согласился на встречу:

– Раньше неграмотные старики вспоминали времена «до большого снега» и «после»¹.

А нашу жизнь разделила война – перелом.

Подразделения создавали по территориальному признаку: в батальоне бойцы из одного села, все друг другу родственники – близкие, дальние. Преимущество очевидно: друг друга знают, можно положиться как на себя. Гарантия – не бросят! Но ежели наоборот... погибает однополчанин, да ещё твой брат-сват, да по несколько человек в бою – тяжело безмерно. Доставляешь тело домой... Это обязанность моя, комиссара батальона. Его привозишь мёртвого, а сам живой. У Вовы Иванченко осталось десять душ детей, жена беременная одиннадцатым. Что ей скажешь? Простой крестьянин пришёл забирать тело своего сына:

– Сперва посмотрю, куда он ранен. Если в спину, хоронить не буду.

После таких слов уверенность в победе крепла! У нас тогда будто крылья выросли.

На первых порах тяжело было убивать... Приходилось себя мобилизовать, убеждать: «Враг пришёл на твою землю с оружием в руках, ты не убьёшь его – он убьёт тебя, твоих близких, разорит твой дом...» Постоянно приходилось в мыслях такую самоагитацию вести. Преодолеть этот психологический барьер после мирной поры, когда даже курицу не лишил жизни, очень тяжело. А когда победа... Кульминацией для меня стало признание Россией. На моём веку будет ли что-нибудь значимей? Едва ли... Я благодарен Богу за то, что именно нам выпало отвоёвывать свободу Абхазии и мы не подвели. Вчистую победили.

Во время войны до слуха долетал шум волн, с ума сходил: так хотелось, чтоб скорее мир, поплавать спокойно. Война кончилась, а я за двадцать лет ходил купаться один раз.

Почему так?..

Беслан Ахуба

Дальше эстафету принял заместитель главы администрации Очамчёрского района:

– Хорошо помню 14 августа 1992 года...

Я учился в Московском институте инженеров землеустройства, факультет архитектуры, проходил преддипломную практику в городе Сухуме в управлении по охране памятников культуры и архитектуры. В этом же здании на втором этаже размещался «Народный форум», много деву-

¹ Самая снежная зима, которую помнят как «асду» («большой снег»), зафиксирована в Абхазии в 1910–1911 годах. Тогда снежный покров в Сухуме превысил 2 м, снег держался более 2 месяцев, а морозы достигали – 8° С.

шек... А я – из Мо-сквы-ы-ы... Завидный жених! Любая хотела познакомиться, пообщаться... И с двумя самыми бойкими я порулил на набережную позавтракать, хачапурчики отведать, кофе попить. Выходим на крыльцо – подлетает машина, выносят раненого парня.

Подскакиваю:

– Что случилось?

– Война.

– Какая война?.. Двадцать первый век на дворе.

Но меня никто не слушал, девчонки заплакали, кто-то истошно закричал... Шум. Гам. Поверх всего нарастающий гул вертолётов, разрывы ракет: грузинские лётчики бомбили пляж, забытый отдыхающими. В общем, стало не до кофе. (Много позже, под самый конец войны, мы узнали: командиром ведущего «крокодила» был Майсурадзе, герой Грузии, афганец; долго мы за ним охотились...) Объявили призыв с 18 до 45 лет, хотя, кто считал себя мужчиной, не ждали особого приглашения, сами приходили к военкомату, записывались в ополчение. Издали указ: чтоб не растратить генофонд нации, работникам культуры, искусства, учёным, единственным сыновьям, студентам столичных вузов выдать бронь. Приходили, договаривали не служить... Меня тоже. Но дорог был каждый! У нас традиция: сын рождается – стреляют в воздух от радости. Не потому, что ребёнок с краником – появился ещё один защитник отечества.

Сегодня частенько задаюсь вопросом: «Почему победили?» Сто тысяч против пяти миллионов!.. Потом понял.

Срочную службу я проходил в Советской армии. Любил читать, но в библиотеке воинской части лишь уставы караульной службы да ленинские труды. Однажды в городе, в увольнительной, зашёл в книжный магазин. Смотрю... Глазам не верю! На полке стоит Баграт Шинкуба: «Последний из ушедших». Книга об истории, о том, через какую трагедию прошёл наш народ, о махаджирстве в 1860 году. (В Турции сегодня около 800 тысяч абхазов живёт!) Когда увидел эту книгу в магазине Архангельска, как отца родного обнял. Конечно, сразу купил и за время срочной службы прочитал её раз двадцать, не меньше.

Наш командир батареи заметил, что с этой книгой вожусь:

– Дай почитать.

– Возьмите, но не потеряйте, она очень мне дорога.

Взял, вместо обещанной недели продержал две, однажды построил нас на развод, у самого в руках моя книга:

– Сержанту Ахуба с сегодняшнего дня разрешаю носить усы и кинжал.

С такой литературой мы не могли потерпеть поражение.

Обязаны были победить!

Мзия Квицения

Мы в селе Члоу у директора музея боевой славы.

Мзия сразу повела меня в святая святых – в зал главной экспозиции на второй этаж, объясняя по дороге:

– Грузины тоже любят, ценят Абхазию, но без абхазцев.

В большом зале на стенах фотографии, в стеллажах письма, на полу стрелковое оружие, осколки разорвавшихся снарядов.

– Эта фотография у меня появилась первой, на ней тяжелораненый боец. Умирая, он прошептал: «Все твои боли, Абхазия, я возьму на себя». В кармане обнаружили письмо от жены Изольды: «Надеюсь на скорое возвращение!» Вот оно... – Мзия отвернулась.

Нугзар, заполняя паузу, подвёл меня к необычному экспонату: попарно сваренные обрезки водопроводных труб.

– Александр, посмотри на грозное оружие: заводского не было, делали сами. В России – «Катюша», а у нас «Антица».

– Война – тяжёлое, для многих непосильное испытание... В блокаде страшный голод, что-то сажали, трактора нет – пахали на танке. Никогда не думала, что так тяжело выжить без соли. Без сахара, хлеба легче... После войны, когда первый раз увидела хлеб, не смогла ни кусочка съесть, не пошёл... Помню, стали бомбить, маленький сын просит:

– Мама, чаю дай.

Молчу. Где возьму ему чай? Взрослым тяжело, каково детям?..

В какой-то момент люди разуверились в победе... Служи всякие нехорошие поползли... Из города поодиночке, семьями стали через горы уходить. Мои соседи тоже засобирались... По всему чувствовалось: ещё немного – надломится дух абхазов. Только чудо могло спасти...

Я молилась, – голос Мзии задрожал...

И вдруг!

Командующий Мирав Кишмария привёз сюда... в окружение! свою дочку!! годика три.

Стоит рядом с ним, в белом платышке, испуганная, куколку к груди прижимает.

Я подбежала:

– Вы зачем её сюда, такую маленькую? Здесь всё время бомбят.

– Здесь много мирного населения, их тоже бомбят, но если увидят мою девочку, поверят в нашу победу.

И правда!..

Все, как узнали про эту кроху – «залог победы» – молва пошла.

Кто дрогнул – стыдно стало. Люди уверовали в абхазских воинов, в силы свои. Старик сосед пожитки из баула вытряхнул: «Город не бросим!» Утром ушёл на передовую. Теперь матери провожали детей на фронт одним напутствием: «Не покажите пуле спину...» Мираб Борисович недавно баллотировался на должность президента Абхазии. Лично я голосовала за него, хотя сама в душе желала поражения. Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Вот где настоящий мужчина, настоящий рыцарь. А я не сумела во время войны защитить родину с оружием в руках, мучилась из-за этого, не находила покоя: «Что для Абхазии могу сделать лично я?» Решила создать такой музей.

Как заворожённый я ходил по залу, разглядывал музейные реликвии, дневники бойцов, незамысловатую утварь времён войны, письма близких, обнаруженные в личных вещах погибших солдат... У туристов, понятно, две заботы: чтобы солнышко светило да чтоб сумку не украли, но просто никто не знает о существовании подобной экспозиции...

– Нугзар, по моему разумению, каждый гость Абхазии должен после пересечения границы в обязательном порядке пройти, как сквозь нравственный кордон, через музей в Члоу.

– Почему бы нет... Во время войны в Абхазии открыли два фронта: Восточный и Западный. В конце войны, перед битвой за освобождение Сухума, открыли Горный. Сейчас реально говорить об открытии ещё одного фронта – Информационного. Если весть о победе не сохранится в веках, жертвы напрасны.

– Цинично, но факт.

– Недостаточно победить, нужно рассказать о подвиге миру. Только тогда есть шанс, что война не повторится. Только тогда можно спокойно поставить точку.

Село Кутол, семья Романа Осия.

Семья – особая.

Бывают города-герои, а это – семья героев. Легендарная семья! Ещё прадед Осия в Первую мировую войну воевал за Россию в Австро-Венгрии, благополучно вернулся в родное село, привёз с войны трофей. Роман вынес из дома саблю: – У нас в Гердах родственники. Война началась, я в тот же вечер вывез семью: мать, бабушку, супругу, маленьких сестёр. Сразу на душе легче стало. На другой день утром смотрю: возвращаются пешком... Хайт!..¹

Мать даже не дала мне рта раскрыть, сразу накинута:

– Убьют вас голодными. Рядом буду! Хотя что-то приготовлю.

– Оставайтесь там. Вы здесь мешаете.

– Нет. Вы голодные, холодные.

Всю войну здесь прожили. От дома до линии фронта метров триста-четырееста. Ютились в подвале: там сложены поленицей снаряды, рядом кровать, лампа копит. Утром заходишь, они чёрные, как кочегары. Обстрел начинается – бегом туда. (У меня перекрытие залито бетоном: миномёт не пройдёт.) Кругом разрывы, о них думаешь: где они, как они? Мать ловила момент из дому добежать до колодца... Ребята вернутся ночью из разведки, портянки им постирает, высушит у костра, молилась за нас. Однажды накрыли стол между домом и пацхой² ребят накормить. Едва-едва покушали, отошли до калитки, один снаряд – в стену дома, другой в стол: дыбом поднял его, в щепки разнёс. Минутой раньше – накрыло б всех. А отца и брата не уберегли... Они ушли, как старый и новый снег. Баба³ поймал свинец за несколько дней до конца войны. «Пятёрка» – пуля калибра 5,45 мм со смещённым центром тяжести – в ключицу попала, из поясицы вышла. Под обстрелом его вытаскивал... он три дня боролся за жизнь, умер прямо у меня на руках. Посмертно отцу присвоили звание Героя Абхазии.

Поначалу у нас ничего не было. Сапог резиновых нет, а надо стоять в ледяной воде до утра: кто идёт на пост, берёт обувку. Поначалу и оружия не было: на шесть человек два автомата. Двое отстреливаются, остальные болельщики. Незадолго до войны работники милиции ходили по сёлам, изымали охот-

¹ Хайт (абх.) – междометие для выражения досады.

² Пацха (абх.) – хижина-плетенка.

³ Баба (абх.) – отец, папа.

ниче оружие, когда коснулось, даже дробовиков не осталось. Грузинские вертолётчики зависали прямо над нами, на высоте метров пятьдесят, знали: оружия нет, и, как в тире, расстреливали. Лицо пулемётчика видел отчётливо, улыбался гадина... Бедные люди врассыпную, лишь бы спрятаться... А куда от вертолёта спрячешься? Воевать начали тем, что отнимали у них, потихоньку стали появляться трофеи, даже танки. С одеялом запрыгивали на броню, «слепили» и выкуривали экипаж – партизанская группа действовала успешно. И до вертушек руки тоже дотянулись. Раз вертолёт над нами прошёл, ракетами позицию перепахал, только б на разворот... небось, уже расслабился, думал, отработал... Виктор Стров как даст ему в задницу «теплушкой» – тепловая ракета ПЗРК – тот в Кодор головой. Пилот Майсурадзе – герой Грузии: в первый день войны он расстреливал отдыхающих на пляже в Сухуме.

Сперва мы не могли поверить, что грузины пришли убивать всех подряд, на деле оказалось именно так. Министр обороны Грузии выступил с публичным заявлением: «Не пожалеем ста тысяч грузин, лишь бы физически уничтожить сто тысяч абхазов». Шеварднадзе назвал такого урода рыцарем. Мы с болью теряли цвет нации: учителей, врачей, художников, обменивали на пленных грузин тела своих погибших воинов, с почестями хоронили. А они, наоборот, очищали общество от уголовников, им трупы поделльников без надобности.

В общем, было где себя проявить. Я случайно слышал разговор российского полковника (оказался рядом): «Всем абхазам, кто освобождал Гагры, кто шёл в первых рядах, можно смело дать «Героя Советского Союза»».

Леонтий Берулава и Отар Ломия

– Занимался радиоперехватом... Это тоже война, только «радио».

Артиллерия грузин с трёх направлений обстреливала наши позиции в Меркулах, туго приходилось, голову не поднять. Командир приказывает:

– Леонтий, придумай что-нибудь!

– Что-ооо?!

Но сам стал кумекать. Грузинский язык знаю хорошо, постоянно прослушиваю их переговоры по рации (станции у нас 142-е, 143-е, разной мощности). У грузинской радистки позывной Додо, от наводчика она передавала координаты обстрела на батарее. Предлагаю:

– А если вклиниться в их разговор?

– Действуй!

Уточняем координаты грузинских батарей, частоты, на которых общаются, и одновременно глушим их – слушать нас они могут, вмешаться, перебить нет.

Я влезаю в разговор радистки на грузинском:

– Додо, срочно прекратить обстрел. По своим бьёте!

– Уточните координаты.

– Хорошо, – даю ей цифры. – Сделай по этой цели один «цветок» (выстрел). Если удачно, сообщу.

Выстрел.

Смотрим в бинокль: разрыв прямо в центре грузинской батареи.

– Так, отлично, Додо, сестричка, давай туда весь «букет».

И полчаса, пока не разобрались, грузинские батареи обстреливали, перепахивали позиции друг друга. Однако самый значимый эпизод другой. Нам удалось прослушать разговор на сванском языке, передавал корректировщик, разобрали отдельные слова: «Надо поднять шестьдесят сапогов», «Операция начинается...» и дата. Вычислили: передача велась с горы Лашхиндар. Наша служба обеспечила радиоперехват, а штурмовал высоту спецназ. Вот познакомьтесь, Отар Ломия – Герой Абхазии. Отар, расскажи!

– За ночь до начала операции предстояло совершить скрытное восхождение на гору. Стена местами отвесная, снег до полутора метров, не все смогли подняться, дошли шестьдесят человек. Я с ходу приказал: «В бой!» Сражались целый день, на волоске висело: кто кого. Закидывали друг друга гранатами, чуть до рукопашной не дошло... Мне пришлось запрыгнуть в блиндаж... Выкуривать оттуда непросто, особенно когда по тебе работает одновременно девять стволов, там меня и ранили. А на вершине уже были подготовлены огневые позиции для артиллерии. (Грузины планировали в последний момент доставить туда на вертолётах пушки, миномёты.) Глянул в долину: с горы весь Ткуарчал с прилегающими окрестностями как на ладони. Незавидной стала бы судьба всего Восточного фронта, если б противнику удалось осуществить свой план. Вовремя мы успели выбить их с высоты.

В мирные годы я занимался бизнесом и всю войну не снимал массивную золотую печатку и тяжёлую цепь с крестом. Мой приятель всем рассказывал: «С плоскогубцами хожу за ним следом, вдруг убьют, сразу разбогатею». Я добавлял: «А если золото достанется грузинам, скажут: не все абхазы голодранцы, может, помолятся за упокой души».

После войны золото пришлось продать по цене лома. Голод был страшный...

Валерий Авидзба

Директор Реабилитационного центра, Герой Абхазии – Валерий Алексеевич Авидзба:

– Война застала меня в Гаграх, времени на расквачку не было...

Под руководством Отара Осия создали санитарно-медицинскую службу. Не хватало медсестёр, набирали добровольцев. Многие девушки шли на передовую со своими братьями и становились в строй. Организовали санитарный поезд, приспособили для перевозки раненых технику... Служба начала работать с первых часов, с первых минут – пятнадцать хирургических бригад. Мне тоже пришлось вспомнить забытые навыки, в прошлом я хирург-полостник. Нам очень помогли бригады из Подмоскovie, из города Чкаловска. Это стреляные профессионалы, прошедшие Афганистан, Сумгаит, – прилетели на самолётах МЧС со своими анестезиологами, реаниматологами, со своим оборудованием. Я взялся провезти по фронту, показать им службу. Трасса пустая, мы на узике, я за рулём. Неожиданно выныривают из-за леса две «сушки»... идут на нас... сейчас конец!.. отбомбились... мимо. Делают разворот, второй заход... Я сильнее жму на газ... Вдруг хлопок, один из истребителей застывает в воздухе и... падает! Из кабины катапультируется лётчик на парашюте. Это был первый сбитый вражеский самолёт, и мы гордились, что у нас есть своя ПВО.

Помню, попали под миномётный обстрел. Жуткая картина... Нас тогда решили сровнять с землёй. Я бежал, пригнувшись к блиндажу... взрыв! волной швырнуло... Пролетая, успел заметить флягу, висящую на гвозде, и автомат. Пришёл в себя... Темно, разговоры, смех. Где я? В голове гудит, язык еле слушается:

– Что случилось?

– Да ничего особенного, рядом с тобой мина разорвалась.

Вылезаю из блиндажа на свет божий...

Алюминиевая армейская фляга похожа на лопнувший воздушный шарик, стальной автомат сконкан как бумажный... А у меня ни одной царапины.

Это Всевышний!

Вячеслав Сакания

– До войны я работал на телевидении.

Как-то раз снимали по заказу финнов документальный фильм о секрете долголетия, и в селе Лыхна почтенный старик на вопрос, как у него начина-

ется день, разоткровенничался: «Встаю в шесть, выпиваю пятьдесят граммов чачи, сажусь на лошадь и еду в горы, там у меня скот». А времена андроповские. Кагэбэшники сразу зашевелились, на две недели, на время разбирательства, отстранили меня от работы. В обкоме партии с укором:

– Почему не контролировал старика? Как мог советский человек заявить, что принимает по пятьдесят грамм, да ещё каждое утро?

Потом началась война...

В чём суть конфликта? Мы не хотели стать грузинами. Другого варианта выжить нам не дали. Раньше, если двое говорили на родном абхазском, на утро один исчезал. Бердяев назвал войну «великой проявительницей». Это так! Каждый проявляет себя во всей красе: попадались «левые» пассажиры в этом вагоне под названием «война»; другие молча исполняли гражданский долг, защищали родину; иные перед камерой красовались, отвечали на любые вопросы, а как становилось жарко – в тенёк. Насмотрелся всякого... Я был военкором: писал, снимал репортажи на передовой. Кто раньше думал, что профессия журналиста может быть опасной? Однажды вертолёт, на котором летели на задание, подбили, машину тряхнуло, потекло масло... высота стала падать. Оператор взял камеру, я включил микрофон, стал вести репортаж... Русский пилот, прошедший Афган, чудом посадил подбитую вертушку на склон Кодорского ущелья, юзом по снегу нас потащило к пропасти... Казалось, всё. Скольжение сдержал огромный камень в метре от обрыва. Выбрались из машины, сами всё снимаем... Борт покорёжен, везде кровь... Командир вертолёта объявил:

– Мы на вражеской территории.

– Вы ас! Посадить подбитую машину в горах! – подпихиваю ему микрофон. – Представьтесь! Страна должна знать своих героев.

– Конец пресс-конференции.

Да, он прав, грузины наверняка засекли, как мы спускались, с минуты на минуту будут здесь. Едва успел вытащить кассету из камеры, вернуться в ветошь, спрятать за бортовой обшивкой в салоне вертушки – слышу окрики на грузинском... Мы попали в плен, девять человек. Всё было... и пытки, и на расстрел водили. На войне как на войне. Добивались, чтобы мы, журналисты, перешли на их сторону, остались в Сухуме, вешали на абхазском. Когда в застенках становилось невыносимо трудно, пели хоралом «Песню гор» Ахроша. В ней жизнь, боль, радость, мужество народа. Для абхазов это гимн, зов предков, поднимающий боевой дух воинов, нагоняющий

страх на врага... Мощная энергетика идёт от этой народной песни.

Нас обменяли в сторону Ткуарчала через восемнадцать дней.

Помню, после освобождения Гагрского района в плен попал грузин, крепыш такой.

Наш боец заключил с ним джентльменский договор:

– Давай бороться. Если победишь, клянусь, отпустим.

Схватка была жёсткой, на грани... Победил абхаз, вчистую уложил крепыша.

На прощанье он грузину бросил:

– Знаешь, я победил не потому, что лучше натренирован. Ты топчешь чужую землю, а я стою на своей священной земле, она мне силы даёт.

Есть законы природы, абхазы живут по ним. В основе всего кодекс поведения, завещанный нам нашими предками, – апсуара. В самое тяжелое время у человека открывается канал для связи со Всевышним. Абхазы, защищая родину, чувствовали: Покровитель земли помогает. У нас святилища в пик бедствий между собой общаются, многие видели шары, перелетавшие с одной природной иконы на другую. Когда нас обстреливали из «Града», ребята целовали землю, просили, чтоб Боженька помиловал их. И вражескую силу как будто кто-то отодвинул, все их снаряды, бомбы, танки, самолёты... Как щит небесный простёр над нами!..

Сейчас люди чуть-чуть оттаяли, свадьбы гулять стали. Жизнь налаживается.

Дети не рождаются от страха...

А год назад на меня вышел по электронке пилот сбитого вертолёт. Это Анатолий Мельник, живёт в Краснодаре. Указом президента Абхазии его наградили орденом «Леона».

Игорь Герзмава

– В природе абхазов заложено смотреть на визитёра как на Божий дар, на высшую благодать. Абхаз выставляет на стол все припасы, обслуживает с изысканным церемониалом, готов всячески защитить достоинство гостя. А когда война началась, когда стали бомбить отдыхающих на пляже, гостей Абхазии, детей и я не смог их защитить... что-то оборвалось во мне. Прежнее – умерло... Проблема в чём: грузины думали, мы «живём с ними», а мы думали, что «живём вместе». Все вместе в СССР. Я, мирный человек, во время войны стал

начальником тыла армии. Хотя какой там тыл? По армейским канонам, тыл начинается за двести километров от передней линии фронта, а вся наша республика меньше, у нас вообще не было никакого тыла. Поэтому воевал как все: и в атаку ходил, и под обстрелы попадал. Мы все оказались на переднем крае обороны: дети, старики, женщины.

На боль судьба щедрее, чем на ласку. Очень ще-е-едрая на боль...

Когда жертв Латской трагедии¹ привезли в Гудауту, когда дверку открыли, когда увидел детскую ножку в ботиночке... Меня словно оглушило... Страшный шок! Вернула к жизни женщина-врач, отрезвила словами: «Извините, здесь есть мужики? Вытаскивайте!» Сознание включилось, начали разгружать фрагменты женских и детских тел. До сих пор у села Лата, на месте падения вертолёт, люди боятся ходить, наступить на останки... стоны слышны по ночам.

Пальцы Герзмавы стали отбивать нервный ритм.

– Списывать на войну – не стоит. Всевышний всё видит. Он самый лучший драматург, самый гениальный писатель. Какой поворот сюжета замыслил, что тебя ждёт, знает лишь Он.

Да, людей я по-настоящему узнал на войне...

Автандил Гарский – секретарь Совета безопасности Абхазии, командир батальона «Эвкалипт» – уникальный человек, познакомьтесь... Он увидел во сне, как у него в батальоне погибнут художник, певец и скульптор. Утром в бой их не взял, предстояло идти в атаку по минному полю. Комбат – впереди, батальон сзади, след в след. Он прошёл невредимым, а сзади шесть человек подорвались. Трое из шести – художник, певец и скульптор – они не остались в окопах, в бой пошли вместе со всеми.

Или взять Руслана Заржания, обычный педагог математики сельской школы собрал батальон из своих учеников. В боях многих потерял и как-то закрылся после войны, не простил себе, что живой, а ребят не уберёг. Никак ему не объяснишь: у войны законы свои. Абхазы, умудрённые жизнью, говорят молодым: «Пусть ваша боль перейдёт ко мне». Здесь получилось наоборот... Он

¹ 14 декабря 1992 года в районе села Лата произошла трагедия, в которой погибли невинные заложники блокадного Ткуарчала. Был сбит вертолёт Военно-воздушных сил Министерства обороны Российской Федерации Ми-8, осуществлявший гуманитарную миссию по поставке продуктов питания и медикаментов для гражданского населения блокадного г. Ткуарчал и перевозивший мирных жителей, женщин и детей в г. Гудауту. В вертолете заживо сгорели 85 человек, из которых – 36 детей и восемь беременных женщин.

принял орден «Герой Абхазии» только через двадцать лет, после того, как всех учеников наградили посмертно. А у самого мать грузинка...

Нам сделали операцию без наркоза и не положили в восстановительную палату.

Нас природа лечит.

Если бы не природа, не традиции наших предков, мы бы все ходили чокнутые после этой мясорубки, после горя, которое вынесли. Каждый раз, когда пью родниковую воду, чувствую – заряжаю силой, добром, радостью.

По своей природе человек не готов согласиться «не быть» на этой земле. Мы знаем, смерть неизбежна, но с ней смириться не можем. Раньше я читал, знал, в других местах случаются войны, гибнут люди... Но их боли не чувствовал, а здесь по живому резанула своя. И всем нам казалось, нет острой, нестерпимей. Мы должны передать память о боли детям, чтобы война не повторилась больше никогда. Нужно найти слова, которые прожгут толстую кожу обывателя до самого сердца.

Жужуна Салакая

Мы в легендарном Кодорском ущелье, в верхней его части.

Нас ждали. Хозяйка встретила у ворот, отогнала собак, сразу повела в дом, к столу.

Вы бы видели, какой обескураженный вид был у собак: не дали никого съесть...

Напитки за столом по желанию: кому чача, кому чай...

А ещё свежий фантастически ароматный горный мёд с горчинкой (внизу такого не бывает) и горячий лаваш. Ещё баранина, ещё мацони – что-то среднее между кефиром и сметаной – объеденье! (Молоко кипятят, отстаивают, охлаждают до чуть больше чем тёплого, туда закваску, часа три постоит закутанное шалью и – в холодильник.) Сперва этого попробуешь, того попробуешь, потом опять этого... не знаешь, что вкусней. В меду, как в замедленном кино, ползают пчёлы... И прохлада. На миг я даже забыл, ради чего собственно приехал...

Благо хозяйка поинтересовалась:

– Вам чаю подлить?

Вопрос этот безобидный вернул на землю. Я лениво раскрыл блокнот:

– Нет, спасибо! Рассказывайте...

– Здесь раньше богатый край был, в других сёлах таким не похвастанут: каштаны росли, собирали их,

сушили, зимой варили суп харчо; в реке лососи огромные, форель; в лесу дичь всякая, олени, горные козлы, кеклики, мясо-рыбу мешками раздавали; свой сад, пасека огромная. Люди как в сказке жили... Дети никогда не болели, понятия не имели «больница». Где больница, где мы? Теперь остались одни воспоминания... Как в волшебном сне.

Когда началась война, муж был в отъезде, в России. Душа болела, как домой попадёт, границы закрыты. Хотя помидоры в банки решила закатать, ну как вернётся живой. Мы не знали войны, глупые были, неучёные. Да и кто тогда мог знать, что грузины будут выводить из домов стариков, женщин расстреливать. (Чем ближе беда, тем больше ума.) Что делать, куда податься? Да и куда стронешься? Куда знаешь?! Зимой, в горах!.. Свекруха, свёкор старые, пятеро малых детей: семь лет, восемь, девять – погодки. Мужа нет, воюет. Однажды смотрю, кто-то заходит в калитку: бородатый, худой, в военной форме. Испугалась, думаю, грузины... расстреляют нас (уже бывало в других сёлах...). Детей прижала к груди, а это муж. Оказывается, добирался домой через Чечню. Дудаев дал ему вертолёт, оружия для абхазов, помог чем мог. Их обстреляли над Кодором, чуть не сбили, но Бог миловал, обошлось. Повидал нас: дети живые, мама живая, отец живой; развернулся, пошёл дальше воевать.

Моя сестра заголосила:

– Как смел оставить, бросить вас?!

Но что будет, если все усядутся дома? Воевать кому-то нужно.

К зиме жизнь ухудшилась...

Мало того, что лихо кругом, так ещё младшая дочь, на беду, разболелась, температура поднялась. Куда с ней подамся? Некуда. Последние дни даже на дорогу не выходили, боялись. Дома припасов полно: орехи мешками, кукурузы полный амбар, солёные лососи висят на балке, мясо сушёное тушами. И вдруг под вечер, уже темно, муж прибегает с позиции, перепуганный:

– Бегом собирай детей! Уходим через горы на восток.

Сосед-одноклассник предупредил: утром односельчане решили нашу семью расстрелять. Сейчас все гуляют на свадьбе в соседнем хуторе, человек семьдесят.

Мы на себя лёгкую одежду, в тёплой, тяжёлой разве уйдёшь, идти предстояло через перевал, через горы, через ущелья, по лесу аж на восток Абхазии. Сто раз зимнее пальто в руках подержала... куда такое тяжёлое, кофту толстую накинута

и к лесу. Я уходила последняя, корова поняла – оставляем её, проводила взглядом, а на глазах слёзы-бусины... Она понимала: беда, беда, беда... Мама дорогая! Мне ещё хуже стало. Из еды свекруха взяла в дорогу по мандарину (в горах у нас не растут, кто-то угостил). А снегу по пояс, дети малые. Как быть? Свекруха придумала впереди гнать коз, это и спасло. Если б не козы, пропали. И Бог пожалел нас – к ночи мороз смягчился. Если б такой, как день назад, поморозились насмерть. Ночью прижмёмся к козам, обнимем друг дружку, так до утра и дрожим. Наутро опять идём: впереди козы больше полсотни голов, они умные, ступают след в след, набивают наст, как камень, мы за ними не проваливались. Но мы уже усталые, замёрзшие, голодные. Свекруха и я несколько раз поскользнулись, неудачно упали на камни.

Муж остановил всех:

– Идите осторожней. Наше положение очень плохое. Честно сказать, не знаю, сможем ли дойти. Впереди ни дорог, ни жилья. Горы, пропасти, сугробы, бурелом. Ступайте аккуратней, если, не дай бог, кто серьёзно покалечится, ногу сломает... мне самому придётся добить, ради спасения других. С раненым точно погибнем все...

Дети малые, как это услышали, все к бабушке. Вжались лицом в подол, молча плачут.

Идём, идём... ни человека, ни огонька впереди. Страх...

Казалось, целую вечность идём.

Целую вечность идём, и нет ни края ни конца пути. Так хотелось кого-нибудь встретить. А деревья огромные, местами повалены, сугробы на склонах метровые. Мы следом за козами под ветками переползаем, где на четвереньках, где лёжкой, бывает, не обойти ни сверху, ни сбоку. Гиблые места. Хорошо, муж – альпинист, известный на всю Абхазию, в лесу, в горах умел ходить, знала – не заблудится. И вот когда ноги совсем отказались двигаться, когда, думалось, придётся умереть здесь, стал накрапывать дождь, муж заметил вдаль, через ложбину, огонёк.

Еле-еле поднялись, побрели...

В полночь, к исходу вторых суток вышли на восточную сторону гор к хутору Апса, недалеко от Ткуарчала. Бредём к дому, кругом люди с факелами, кричат, плачут. Оказывается, пока мы добивались, над Кодором сбили вертолёт с женщинами и детьми. Сначала они даже подумали, мы с того вертолёта спаслись.

Лишь после войны узнали: наутро грузины ок-

ружили наш дом, а он пустой. Переругались, чуть не перестреляли друг друга (козлы перед гибелью бодаются!): «На руках были, как могли уйти? Снегом всё кругом завалено. Как случилось?»

А я сама не понимаю, как смогли уйти?

По карте потом глядела – страшно по карте глядеть.

Валентина Дзидзария

– ...Не могу вспоминать войну. Тяжело.

Я поднажал:

– Надо!

Женщина слегка оторопела...

Опустилась на стул, закурила, подняла на меня усталые, глубокие глаза:

– Раз надо, значит, надо. Это слово и мне знакомо. С чего начинать?

– С 14 августа.

– В тот день варила яблочное повидло. Забегает дочка во двор, кричит:

– Ма-ма! Война!

– Какая война? С ума сошла?!

– Грузины на нас напали.

Включаю телевизор, а там!.. по московской программе показывают танки на подступах к Сухуму. Я – в шоке! Сижу, смотрю, не могу подняться со стула. Постепенно пришла в себя – к военкомату, по улицам люди бегут, кричат, плачут... Молодые ребята набиваются в машины, едут в Сухум на защиту, матери их провожают, многие сёстры отправляются с ними. В штабе девчонки готовили еду, кормили бойцов. Посмотрела на всё это: «Нет, здесь мне делать нечего». Села на попутку, поехала в Эшер, там начиналось формирование отрядов ополчения. Командир отделения искал медсестру: нас пятеро желающих, я самая старшая, сорок шесть лет, девчата вполнину моложе. Мы построились, командир всех взглядом окинул и мне:

– Вас выбираю.

Вот так стала сестрой милосердия. Медицинского образования никакого, по специальности педагог – «русский язык, литература». Всем на войне тяжко, а женщине вдвойне тяжелее. Изредка отпускали на побывку домой. Муж скандалил:

– Больше не поедешь никуда! Не пушу!!!

Вырывалась, убегала на фронт, следом в спину летели проклятья:

– Тебя убьют, кто детей будет воспитывать?!

Дура!..

Муж старше меня на десять лет, на фронт не по-

шёл, болел, да и надо кому-то с детьми... У меня внуки, младшему сынишке одиннадцать. Потом и младший пошёл в госпиталь помогать: лифт облуживал, раненых опускал-поднимал. А я как останусь дома, брошу ребят? Скажут: «Сбежала! Струсил!» Невозможно. Один раз еле выскочила...

Возвращаюсь в отряд, ребята сразу ко мне:

– Тина, что случилось? На тебе лица нет...

– А...

– Рассказывай давай!

– Муж надоел, сил нет. Не пускает на фронт, каждый раз вырываю с боем, с ором.

– Мы ему покажем.

Думала, шутят... А они как раз вечером гнали в Гудауту танк на ремонт и что выдумали: подъехали с лязгом к нашему дому на танке, навели ствол прямой наводкой на окна... Домишко у нас старый, ветхий, земля под танком дрожит, дом дрожит... обстреливать не нужно, сам вот-вот рухнет... Сынишка выбежал в испуге во двор, наводчик грозно ему кричит:

– Где твой отец?

– Папа спит.

– Его счастье, что спит... Когда проснётся, скажи, приезжали к нему разбираться.

Танкисты потом в красках расписывали, весь отряд со смеху лежал:

– Теперь, Тина, он тебя зауважает.

Я не только медсестрой, в карауле стояла. Ребята с ног валились от усталости, людей не хватало, дадут мне охотничье ружьё, бутылку с зажигательной смесью – и на пост. Стою, темно... слух прошёл, через горы сваны планируют прорываться... страшно. Но хоть страшно, положенное время выдержу, дождусь смены караула, иду спать. Мы с девчатами располагались отдельно от бойцов в бывшем кирпичном магазинчике. Однажды насилу добрела, только устроились на кровати, обстрел начался – мины. Сперва одиночные разрывы – далеко, потом чаще, чаще... Ближе, ближе. Потом совсем рядом.

Толкаю в бок напарницу, медсестру:

– Ляля, что-то мне этот ночной концерт не нравится, может, уйдём отсюда, пока не поздно?

– Ай! Первый раз, что ли? Спи.

– Хорошо, Ляля, будем лежать до последнего.

И тут как бабахнет, прямое попадание. Во рту, в волосах извёстка... Все наши медикаменты, всё попадало... Голову задираю: крыши нет: луна, звёзды. Красота!

Лялька истошно орёт:

– Беж-и-и-им!

– Ляля, вот теперь можно не спешить.

– А-а-а! Тина, бежим отсюда-аа! – уже с улицы:
– Чего там копошишься?!

– Очки ищу, куда я без глаз?

Мины рвутся кругом... пригибаясь, ринулись к нижнему блиндажу. Смотрим, боец, молоденький совсем, лежит, уткнувшись в мёрзлую землю, причитает:

– Я к маме хочу! К маме хочу!!!

Подбежали:

– Ты ранен? – достаю из сумки перевязочный пакет.

– К маме хочу! Не могу больше здесь...

– Дида!¹ Истерика у него, Тина, не ранен он.

Я – фляжку со спиртом:

– На, глотни, не плачь. Пока пуля нас не найдёт, ничего не случится.

Дрожащими руками из фляжки хлебнул, затих. Подняли его, повели к блиндажу, утром отправили в Гудауту. (Не у всех хватало духу выдержать войну.) В блиндаже ребята посадили нас к печурке, напоили горячим чаем, отогрели, освободили место для сна. А на рассвете командир батальона увидел развороченный магазинчик, решил, погибли. Идём с Лялей, они стоят с начальником штаба у развалин, головы поникшие, шапки сняты. Издали кричу им:

– Товарищ командир, мы здесь... живые!

Он шапку оземь, на глазах слёзы:

– Сегодня же чтоб духу вашего не было!!! Что вашим детям скажу?! А?!! Марш с передовой! По домам!

Но куда мы от них? Людей и так не хватало. Сами сюда шли, никто насильно не тащил. А Ляля, маленькая такая, через неделю погибла: на mine подорвалась. Было ей двадцать два года. Тогда я впервые и закурила... К наступлению 16 марта готовила ребят уже одна: кому носки высушить, кому одежду постирать, кому зашить, кому обезболить сделать... Для меня эти люди стали родными. И тут заметила: парень уже давно стоит, пристально смотрит на меня.

– Ты чего?

– Тина, дай стакан воды.

Странно, вода питьевая рядом в ведре, стакан тут же... мог бы сам взять, но я слова не проронила, молча зачерпнула студёной ключевой воды, подаю. Он выпил и ушёл в наступление. Через два дня вернулся живой, а его брат нет. Вечером сидим у костра, посмотрел мне прямо в глаза, как тогда:

– Ты знаешь, почему попросил у тебя воды?

– Почему, Юра?

– Загадал: молча подашь воду, вернусь живой...

¹ Дида (абх.) – непереводаемый возглас возмущения в речи женщин.

После боя мы частенько мечтали, сидя у костра: «Вот закончится война, счастливая жизнь наступит, такой мир будет, как в раю». А после каждого боя смотрю: одного нет, другого нет... многих нет. Не дожили они до мирных дней, а мне, выходит, повезло. Вроде как за них живу.

Второй раз мы наступали на Сухум, второй раз пытались выбить врага, освободить город и второй раз терпели поражение. Много раненых, убитых, много надломленных морально... В блиндажах, для поднятия духа, пели «Песнь ранения»:

*Уа, райда, песня поется для мужчин,
Уа, райда, ран не боится никто из мужчин,
Уа, райда гушадза, ахи и охи – для женщин,
Уа, райда, крепись, песня утоляет боль,
Уа, райда, песня исцеляет рану.*

Всегда оказывала медицинскую помощь я, теперь эта самая помощь понадобилась мне.

Отвезли в Гагры, в госпиталь... Честно говоря, думала, уж не выкарабкаюсь, так было плохо... Но врачи подлечили, за неделю подняли на ноги, спасибо им. Выдали мне назад военную форму, сменила я больничный халат на гимнастёрку, вышла на трассу. Не пришлось даже голосовать, останавливается пассажирская «Газель»:

– Если в Гудауту, садись, – пьяненький старик-водитель махнул.

– Мне дальше, но подъеду с вами.

– Хай, амарджа!²

Вечер, дождик накрапывает, следующая попутка неизвестно когда. Прокуренный планом³ салон битком набит бойцами, запах чачи так и шибанул в нос... Мне сразу освободили место на заднем сиденье, пробралась туда, переступая через спящие тела... Попробовала кемарить сидя, не идёт сон, беспокойство какое-то. Да и водитель управляет как-то неуверенно... Даже на прямых участках машина виляет, кидается из стороны в сторону. А мужикам хоть бы хны, похрапывают безмятежно. «Лишь бы водитель не задремал!»

Едва успела подумать, машина на высокой скорости стала описывать дугу...

Сейчас нырнёт под откос!..

Вытянулась, смотрю: у шофера голова опущена на руль. Хотела крикнуть, от страха голос пропал... Рванула по проходу к водителю, разбрасывая спящих мужиков...

Не успела... совсем чуть-чуть.

«Газель» как прыгнет через кювет... Подскочила, давай переворачиваться...

Старик шофёр проснулся и на весь салон в такт кувыркам:

– Оп! Оп! Оппа!

Больше не помню ничего.

Я единственная, кто тогда сильно покалечился, наверно потому, что в момент аварии стояла. Привыкла всегда подстраховывать мужчин, а тут после больницы ослабла, на миг стала беспечнее. Сама виновата! Мне надо было сесть рядом с водителем, контролировать, ничего бы и не случилось...

Мираб Кишмария

Министр обороны Абхазии – легендарный Мираб Кишмария.

Генерал армии, Герой Абхазии, кандидат военных наук, прошёл Афган.

В июне 1988 года приказом министра обороны СССР старшему лейтенанту М. Б. Кишмария досрочно присвоили воинское звание капитана, Указом Президиума Верховного Совета СССР за личное мужество и героизм его наградили орденом Красной Звезды, а Указом президента Республики Афганистан Наджибуллы за успешное ведение боевых действий ещё и афганским орденом «Звезда II степени». У министра обороны Абхазии мать – грузинка. Из пяти её сыновей трое получили звание «Герой Абхазии».

И ещё много-много-много чего я узнал до встречи...

Это о нём вспоминала директор музея боевой славы Квициния Мзия, как для укрепления духа людей Мираб Кишмария привёз в блокаду собственную маленькую дочь... Это о нём сказала: «Пока у нас в Абхазии такой министр обороны, можем жить спокойно. Не бывает опоры надёжней. Настоящий мужчина, настоящий воин!»

Мираб Борисович отложил в сторону документы, стал вспоминать:

– Когда началась война, сразу махнул в родное село Мыку. Там на сходе люди избрали меня командиром ополчения. В селе Араду приняли первый бой, их погибло 48 человек, я потерял двоих. А вообще, много было потерь... слишком много. Я хорошо знал экипаж вертолёт, сбитого с детьми и женщинами в латской трагедии. Мы с этим звеном вместе прошли Афган. Но потери оправданны

² Хай, амарджа (абх.) – ободряющее восклицание («поднялись!», «живей!»).

³ План – (конопля) наркотик.

– выстояли. Невозможно победить народ, воюющий на своей земле, за свободу, за отчий дом!

– Вы не укрыли дочку в Москве, в Америке, привезли в окружение...

Словно не слыша вопроса, министр продолжал:

– Сегодня подготовлены лучше. В случае мобилизации, поднятия резерва у нас в армии будут танковые экипажи, где командир танка – отец, а механик, наводчик – его сыновья. Есть целые роты резервистов, состоящие из кровных родственников. Вы думаете, во время реального боя эта рота дрогнет или отдаст противнику рубеж? Вот и весь наш секрет. Разницы нет, кто какой национальности... У нас в Абхазии многие семьи смешанные: отец абхаз, мать грузинка... но мало кто поглядывает туда. И я туда не смотрю, потому что своего брата Гочу получил без сердца. В 2008-м он служил начальником поста, попал в плен... У брата сердце вырезали, сварили, заставили пленных абхазов есть. Они и рассказали потом...

Остатки волос поднялись у меня дыбом!

– Мне туда нет дороги, хотя мать мингрелка.

– И всё-таки что сказала жена, когда повезли дочку на фронт?

Мираб Борисович недовольно нахмурился:

– Ну, что могла?... Погибших много, вижу, дрогнули... пошёл отток населения, каждый рвётся попасть в Гудауту, выскочить из блокады. Бойцы духом падают... некоторые... Счёт идёт на дни, часы!.. Надо что-то делать. А что?! Самому взять в руки автомат? Но я и так, хоть командующий фронта, не сижу в бункере за сотни километров, стрелки мерцающие не передвигаю. У нас другая война. Каждый день на переднем крае, хотя полководцу не положено, важнее – грамотно руководить. Нужно было придумать особое... Поехал в Сочи, взял дочку, ей три годика исполнилось. Привёз... (как раз шло совещание командиров фронта), занушу её в штаб, посадил на стол:

– Вот моя дочь. Вот я здесь...

Люди задумались, отток населения прекратился, все взялись за оружие. Никого больше агитировать не пришлось. Если б так не сделал, не знаю, как удержали оборону. Надо выбирать, что важнее, и рисковать всем, дочкой тоже. Она маленькая, три года, не понимала ничего, при штабе и спала, её таскали, как куклу... Сейчас замужем, у самой растут двое пацанов, настоящие джигиты. И растут они уже в свободной стране.

Абхазы любят хвастаться: мы победили!

Что такое «мы»? Никогда нельзя забывать о нашем главном союзнике – России. Говорю так не

потому, что у меня бабушка русская. Надо быть благодарными, благородными. Если честно, без поддержки России победы не одержали бы... Как командующий Восточного фронта знаю это точно, заявляю публично.

Сейчас многие хаот Ельцина, хаот, не зная всего. Открыто помогать не мог, но спасибо, волю давал подчинённым. Не он, нам бы всё перекрыли, все щели... Откуда тогда вооружение, боеприпасы? «Северный Кавказ!.. Братья через горы пришли на помощь!» Я одёргиваю, не «Северный Кавказ», Россия. Не прошли бы, если б дали команду «не пускать». В 2008 году мы тоже провели операцию совместно. Когда б не Шаманов, Макаров, Генштаб... не было б никакой независимости. Историю нашим детям надо знать, нельзя подгибать правду под своё понимание. Тогда больше шансов, что война не повторится.

Нугзар Салакая

Трудно вызывать на откровенный разговор ветеранов.

Многие отнекивались категорически.

В Ткуарчале Нугзар пошёл договариваться с Вахтангом Васурия, и снова отказ...

– Нугзар, отдувайся сам! – поставил ультиматум я. – Ты, кстати, сам-то чем занимался во время войны?

– Оружие в руках подержать не довелось, меня отправляли в разведку, хотя не знаю, где легче. Был в плену...

– А чё молчишь?

– Война застала в родном городе Ткуарчал, туда же отступали наши войска. Город Очамчыра к тому времени уже захватили, на фасадах административных зданий, на крышах домов развесили грузинские флаги. Что нам делать? Как противостоять такому мощному противнику? Некоторые предлагали сдать город без боя. Потом ребята собрались в ополчение, выбрали командира, он мне и предложил:

– Проберись в Очамчыру, разузнай, что там, как, сколько их, техника какая? И главное, поставься выведать планы.

Было понятно одно: сил не хватает, надо как-то обмануть противника, заставить поверить в обратное, иначе добьют, не дав опомниться. И меня осенило:

– Нужна дезинформация! Давайте распространяем листовки пожёстче: «На помощь идут братья-чечены...»

– ...«Всем грузинам смерть!» – закончил он. – Интересно, давай попробуем.

Переодели парня в бурку, папаху с красной партизанской ленточкой, сделали фотографию. А он и без папахи смахивал на чеченца. Напечатали листовки, под утро с ними я и пошёл в Очамчыру. Заглянул в гости к одному надёжному человеку, к другому, третьему, переговорил-расспросил, информацию получил, оставил по несколько листовок. Сам – на рынок. Там грузины-торгаши как прочитали: «Чечены идут!» Паника!.. Толпа хлынула, сотни людей, меня подхватило... бегу, и вдруг двое солдат выдёргивают из толпы:

– Стой!

Скрутили, повели... У меня один сапог наполовину отрезан, пиджак из коровника взят, вонь за версту, борода лопатой. А глава оккупационной администрации Очамчыры родом из моего города: как бы я ни вырядился – узнает в любом маскараде. Осторожно нащупываю в кармане дихлофос – как раз на такой случай. Лучше самому всё закончить, чем пытки вынести. (Уже знали: на допросах они руки-ноги выламывают...) Приводят меня прямо в штаб, офицеры как увидели, давай хохотать. Осмотрелся – незнакомые все, значит, пока живу, и давай подыгрывать грузинам, тоже стал хохотать... под дурачка. Главнокомандующий грузинскими войсками Джаба Иоселиани (не Джаба он – жаба!) встал из-за стола да как рывкнет солдатам:

– Я же приказал абхаза поймать, вы какое-то чучело взяли.

Все:

– Гы-гы-гы! Ха-ха-ха!

Полковник подходит ко мне:

– Откуда?

– Абаска.

– Как фамилия?

– Седоги.

– Как зовут?

– Мамед.

– Ха-ха-ха!!! – слёзы утирает.

Рядом с Очамчырой турки живут, я знал одного по фамилии Седоги.

– За что приехал в Очамчыру?

– Сигарет купить.

Все опять:

– Гы-гы-гы!

Тогда полковник набрал полные лёгкие воздуха да как гаркнет:

– Кругом!

Я на месте крутанулся, под зад кованым сапогом как пнёт... Полетел, головой дверь вышиб, выкатился на улицу. Задница огнём горела три дня, но зато из плена выбрался живым-невредимым. Мало кому это удавалось.

А ещё устраивали диверсии... На шахте полно динамита, решили сделать большой «бум!!!». Загрузили в товарняк, установили взрыватель, человек двадцать облепили вагон, налегли, побрятели... сдвинули вагон с места. Шаг за шагом стали ускоряться... Эх! Чуть бы разогнать, железнодорожный путь под уклон до самого города Очамчыра, занятого врагом. И тут я вспомнил абхазскую песню «О нашей партии». Запел торжественно, громко... Все запереглядывались, подумали, может, после плена у меня с головой того...

*В стране у нас много народов!
Взрастила их, счастье дала им,
Вложила в сердца дружелюбие,
Стоять друг за друга велела,
Дала им бескрайнюю землю
И жить их на ней научила
Партия наша, друзья!
Чтоб люди до неба взлетали...*

Только тут до всех дошло! Как подхватят хором:

Чтоб люди до неба взлета-ааали!!!

Потом очевидцы рассказывали: вагон до станции не дошёл, до окраины, но взрыв был такой силы – в Грузии все обделались. В общем, страху напустили.

У нас был девиз – «Один к двадцати»: одному абхазу противостояли двадцать грузин. Мы не имели права ужалить один раз, как пчела, и сразу погибнуть. Один абхаз должен был уничтожить двадцать вражин. Земля, которую ты не пропитал собственной кровью, ещё не Родина. Мы, пятеро друзей, поклялись: после войны приедем в Сухум, съедим по щепотке земли. Из пяти трое погибли, клятву мы исполнили вдвоём с другом.

– Нугзар, ну ты даёшь!.. – я с нескрываемым восхищением разглядывал своего проводника.

– А про Вахтанга Васурия я сам расскажу, что знаю. Ты не суди его строго, Александр, что отказался беседовать. Второй инфаркт у него был недавно, после войны здоровье – ни к чёрту. Они тогда попали в плен с молодым парнишкой. Им, в отличие от меня, не повезло. У парня осколком перебило руку, ранагноилась, разлагалась, открылась кость. Их по разным камерам развели и первым начали пытать парня. Мальчик иногда не выдерживал, кричал «Не бейте!.. Я ранен!» Тогда Вахтанг барабанил, пинал в дверь камеры и кричал главному:

– Что ж ты, сука, к мальчишке привязался? Если не боишься, иди ко мне!.. Ухацазар ухыс!¹

Он доводил матерщиной тюремщиков до бешенства, те бросали парнишку, забегали в камеру к Вахтангу, начинали пинать... В эту минуту пацан мог отдышаться. Затем палачи возвращались, снова пытали, допрашивали... Тюрьму вновь разрезал детский крик о помощи, и снова Вахтанг бесился в камере, бился в дверь, вызывая огонь на себя... Так повторялось вновь и вновь. Через неделю нам удалось обменять их на пятерых грузин. Я сам забирал из плена... Мальчишка первым делом бросился на шею к Вахтангу, своему спасителю, обнял здоровой рукой и плакал... Вахтанг, изуродованный, гладил его по голове, успокаивал:

– Если бы с тобой что сделали, один я не вернулся. Мы бы не расстались с тобой.

Так они шли до машины, поддерживая друг друга, слившись в одну бесформенную несломленную фигуру.

Сладкое слово «свобода»

Ну её к чёрту, эту проклятую свободу! Какой в ней прок? Что с ней делать? Вот мне холодно, Тиль, а в неё не завернёшься, как в овечий тулуп, в эту твою проклятую свободу. Я хочу жрать, а её не поджаришь на вертеле. С ней не ляжешь в постель, как с женой. Она – ничто. Это пустой звук. Её вообще нету.

Её никто никогда не видел.

Фильм «Легенда о Тиле»

– Ну гзар, объясни, как эта война назревала. Что послужило первой искрой?

– Первой искрой?.. Язык.

– Язык?

– Да, абхазский язык. Приведу маленький пример... Я был тогда главным редактором очамчырской газеты и членом бюро райкома партии. Когда наш ансамбль долгожителей стал популярным, композитор Константин Ченгелия предложил дать коллективу имя «Эрцаху» – по названию святой горы Абхазии. Красивое, достойное имя. Мы предложение поддержали, дальше решение должны были утвердить в абхазском обкоме партии, потом в ЦК КП Грузии. Только после соблюдения всей процедуры ансамбль могли зарегистрировать официально.

Внезапно нас – всех членов бюро райкома – вызывают в обком. Заходим гуськом, идёт совещание, первый секретарь прерывается и резко:

– Кто предложил название ансамбля?

Константин Ченгелия вышел вперёд.

– Объясните, почему именно так, может, есть другие варианты?

– Других вариантов нет. Эрцаху – священная гора Абхазии. И так же свято, уважительно мы относимся к абыркам – почтенным старцам. Самому молодому участнику семьдесят восемь лет, старейшему – сто три года. Пусть название ансамбля «Эрцаху» символизирует уважение горцев к мудрости, сединам.

– Но как название будет звучать в официальных документах?

– А почему нельзя сохранить слово в родном, первоизданном виде? Зачем менять фонетику имён личных? Чем грузинское произношение лучше абхазского?

Только тут до меня дошёл истинный замысел Ченгелия...

Он просчитал заранее: по решению ЦК КП Грузии все абхазские названия в официальных документах шли в грузинской транскрипции, для этого к абхазскому названию обязательно прибавлялась в конце буква «и». Не «Сухум», как изначально, а «Сухуми», не «Гал» – «Гали»; если название «Эрцаху» произнести на официальный грузинский манер, выходила матерщина. Получался уже русский, слишком русский язык... В заседании объявили перерыв, нас отправили домой. Потом два месяца сотрудники КГБ с каждым беседовали поодиночке, называли всё диверсией, запугивали, упраскивали, но изменить ничего не смогли – ЦК КП Грузии вынужден был утвердить название в абхазском варианте. (Ансамбль «Эрцаху» с успехом выступает по сегодняшний день.)

Я любил родной язык и в 1976 году поступил на филологический факультет Абхазского государственного университета. И тут огромное событие – вышел труд учёного этнографа Шалвы Денисовича Иналипа «Абхазы» (Историко-этнографические очерки). Автор проследил из глубины веков династию абхазских царей, убедительно доказав: Абхазия – самая древняя цивилизация на Кавказе, бесспорно, старше Грузии. Книга объединила вокруг себя всю абхазскую интеллигенцию, послужила искрой в разжигании национального движения, раскрыла глаза на собственную историю, культуру, стала откровением и вызвала неугасающее чувство гордости за своих предков, желание соответствовать им. Когда текст получил широкую популярность, всполошились грузинские ультра: «Кто допустил?» Давно подмечено: «Книга, не встречающая сопротивления, не имеет ценности». Была дана команда: «Фас!» Комсомольцы изымали

¹ Ухацазар ухыс! (абх.) – «Если ты мужчина – стреляй!»

тираж с полок книготоргов и сжигали в больших кострах у арочного моста на берегу реки Сухум. Я оформил заказ на книгу в читальном зале университета, библиотекарьша побледнела:

– Такого издания нет.

ЦК КП спешно выпустило разгромное постановление, начались разбирательства, гонения... Людей прорабатывали на бюро, исключали из партии, закрывали десятками. Шалву Денисовича из университета уволили. Для партийного руководства книга превратилась в кошмар. А для таких, как я, – в абхазскую Библию. Моё самосознание пробудилось, до меня дошло: я абхаз. Книга стала моей настольной, я понял, что делать дальше: поехал в Грузию, скупал её – запрет дойти не успел – привозил в Абхазию, тайком раздавал, и много ещё чего... Примкнул к национальному движению, став подпольщиком-организатором. За это с первого курса исключили, дали срок. Прокурор прыгал на моём лице, каблуком выбивал по очереди зубы – туфли у него зелёного цвета, как сейчас помню, – бил и приговаривал:

– Ты сгниёшь на нарах, обещаю!

– Его можно понять, – съязвил я. – «Во времена всеобщей лжи говорить правду – экстремизм» (Джордж Оруэлл).

– Выходит так... Этапировали меня в Кутаисскую тюрьму и в каждом пересыльном пункте добавляли срок. Всего хватило... Но я не жалею. Мы боролись за право называться абхазами. За Абхазию с абхазским лицом! Если себя не уважаешь, тебя никто уважать не будет. Не будешь ценить корни, традиции, язык – никто не будет ценить. Никто из-за твоего языка не станет убиваться, раз ты им брезгуешь. С этим орлиным клёкотом появился на свет, на нём пела колыбельные мать, на нём питаешься, на нём живёшь и вдруг променял на иной, благозвучный щебет – добровольно перерезал духовную пуповину. Да, чужой язык надо уважать, но любить-то свой.

– Так недалеко и до нацизма...

– Эта болезнь нам не страшна! Видимо, сами горы предопределили: ни один кавказский народ не станет считать себя высшей расой. Исключено. Помогло не стать нацистами и то, что рядом с абхазами плечом к плечу сражались русские, чечены, кабардинцы, казаки, грузины... Сражались и погибали не за деньги – за свободу, справедливость. А такая война не имеет национальности.

* * *

– В восьмидесятые годы стремление абхазов к самосильности стало массовым. К движению сопротивления примыкали новые и новые сторонники

из числа молодёжи, подключались люди зрелого возраста. У всех на устах крутилось одно слово «статус». Даже древние старики, кто мало разбирался в политике, одобрительно кивали нам вслед. И жила со мной по соседству ветхозаветная старушка, ноги-руки едва слушались, однако заботило её не собственное здоровье... Каждый раз при случае, когда навещали родственники, соседи, она непременно задавала один и тот же вопрос:

– Сынок, когда смогу увидеть статус?

Она не понимала доподлинно, что такое «национальный статус». Мессия это, по образу и подобию человека, или манна с неба... Но свято верила: нет ничего ни важнее, ни ценнее, ни слаще. И когда она наконец его получит, всё-всё-всё изменится к лучшему. Ведь не зря только об этом все и талдычат, лишь этого и желают.

Я, как мог, подбадривал:

– Бабушка, потерпи совсем немного, скоро ты получишь статус.

– Вы знайте, дорогие мои дети, я стол накрою тому, кто принесёт мне статус, наседку не пожалю, самое лучшее вино поставлю.

С деньгами у нас в редакции тогда тоже было плохо. На задании, когда встречаешься с людьми, берёшь интервью, деньги не нужны: корреспондента и накормят сытно, и напоят пьяно. А вот опохмелиться нечем... И в очередное хмурое утро, когда после вчерашнего самым естественным, логичным было просто сдохнуть, а в кармане ни рубля, я вспомнил про заветную мечту соседки и обещанный стол.

Я – к ней, уточнить:

– Бабушка, что сделаешь тому, кто принесёт тебе статус?

– Сынок, тому не пожалю ничего! Это моё последнее, самое сокровенное желание. Последнюю курицу – на стол, кувшин вина из погреба.

– Тогда будь готова к обеду, принесу тебе статус.

Сам радостный назад в редакцию и – коллеге журналисту, с кем пили вчера:

– Русик, у тебя, как понимаю, тоже ни копейки?

– Сдурел?.. Откуда?! Сейчас бы не мучились так...

– Тогда слушай: мы должны с тобой во что бы то ни стало раздобыть национальный статус и отнести одному замечательному человеку.

С трудом подбирая слова, преодолевая страшную сухость в горле, шум в голове, я поведал свой план.

– Русик, главное, до обеда продержаться... будет опохмелка. Но как быть со статусом?

– Знаю! – голь на выдумки богата, – нужно взять шоколадную медаль в золотистой фольге, завернуть в десять бумажных листов, потом в платок, сверху в целлофан.

Всё сделали, несём старушке, сами трясёмся

от хохота. За пару шагов до цели надели на лица гримасы торжественности, заходим, чеканя шаг:

- Бабуля, бабуля, мы принесли статус!
- Точно?
- Точно, – смотрите.

Нарочито медленно я стал разворачивать шуршащий целлофан, затем один лист, другой, третий... Куча скомканных белых листов на столе росла. Ещё один лист... Свёрток постепенно таял у меня в руках, уменьшаясь. И вот когда остался последний лист, я украдкой отогнул уголок и показал золотой краешек – солнечный лучик празднично заиграл бликами фольги:

- Дальше нельзя открывать! Сила пропадёт! – я вновь тщательно укутал шоколадку.
- Закрывай! Закрывай! Вдруг сглазят, – согласнo запричитала старушка.

Обомлев, полностью потеряв дар речи, она переводила восхищённый взгляд с заветного свёртка, в котором миг назад блеснул фетиш, на наши торжественные лица...

- Сынки, спасибо! Садитесь за стол!

До позднего вечера мы с Русиком гулеванили у гостеприимной старушенции, поднимая по очереди бокалы за Всевышнего, за Абхазию, за щедрость хозяйки, за её здоровье.

Вино текло рекой...

До войны она не дожила.

Не пришлось ей вкусить и сладость долгожданной победы. Но из жизни она ушла успокоенной, со святой верой, что Абхазия свой статус обрела.

А недавно дочка её (не помню, с чего зашёл разговор), смущаясь, рассказала про странность матери: после смерти она обнаружила в наволочке слипшийся кусочек шоколада в золотистой фольге. Я что-то промямлил в ответ и, сославшись на дела, тут же ушёл. За много лет впервые... пожалуй, с самого детства... я не смог наедине с собой сдержать слёз.

Три гвоздя

*По ниточке, по ниточке
Ходить я не желаю,
Отныне я, отныне я,
Отныне я – живая.*

Алиханов Сергей. «Ожившая кукла»

Закан Алексеевич Агрба из села Бзыпга.

Целый вечер мы провели с ним в душеполезной беседе, перебирая под красное вино пожелтевшие газетные заметки, фотографии, воссоздавая эпизод за эпизодом становление «незалежности» Абхазии.

Первый гвоздь

– В 1957 году в Тбилиси проходил международный танцевальный фестиваль, но сперва по районам устраивали смотры художественной самодеятельности.

Наградой – выступление на столичной сцене. Наш репертуар приехала оценить комиссия, мы дали концерт. После выступления нас, малышей, подняли на руки, под аплодисменты носили по залу. А за три дня до отъезда в Тбилиси я увидел в вестибюле Дома культуры своего друга, грузина, он плакал.

- Тебя кто обидел?
- Не подходи... – ещё сильнее ревет.
- Что случилось?
- Не подходи ко мне!
- Кто тебя набил?
- Из-за тебя...
- Из-за меня?! Что я сделал плохого?
- Тебя в Тбилиси не берут.
- По-чому-у-у?..
- Ты абхаз!

Мне, ученику, было не до пятого пункта, мне не понятно это, но гвоздь, вбитый в сердце... больноющая так и осталась.

Второй гвоздь

Нам запретили разговаривать на абхазском, нельзя было соблюдать обычаи дедов, петь-танцевать для души... В своём хозяйстве приходилось работать в лунную ночь. И много ещё чего «нельзя», ущемление чувствовалось во всём. Нашу абхазскую школу закрыли – открыли грузинскую. Десять дней я прилежно слушал учительницу Гоги Башвили, она ни в зуб ногой по-абхазски, я ни слова по-грузински. Не смог тянуть программу, сбежал из школы... Меня перевели на два класса младше.

Разве мог не горевать? Это второй гвоздь. Ладно.

Третий гвоздь

Окончил школу, пошёл на работу в автоколонну. А разговоры в гараже про одно: язык крутится вокруг больного зуба. Не только у меня на сердце раны, у всех. И боль, раздражение накапливались. Километров в пятидесяти от Гагры есть древнее абхазское село Куджбояшта, я возил туда рабочих. Однажды Салваш, мой напарник, открыл мне глаза:

- Закан, ты грамотный?

– Да, десять классов окончил без троек, летом на филфак буду поступать.

– А ты проверял, как заполняют путевые листы? Достаяю лист:

– Пробег, часы – правильно, так и есть, – дальше не смотрю.

– Название села...

Читаю – не верю глазам, вместо древнего названия Куджбояшта в путёвках написано «Куджбая», на мингрельский лад! Оказывается, я месяц работаю там. Вторую путёвку поднял, третью, пятую – везде «Куджбая». Пошёл в бухгалтерию, проверил все бланки – везде «Куджбая». И главбуху:

– Слушайте, где мы работаем?

– Как где? В гараже.

– А это что такое? – тычу ей под нос путевой лист.

Мастер сразу взерошился:

– Закон, что тебя не устраивает?

– Зачем искажаете правду?

– Никто её не искажает.

– Как так?

– Вот, смотри сам.

Даёт мне карту, там чёрным по зелёному – «Куджбая».

Мы, водители, собрались, подняли такой буч, мало никому не показалось. Все путёвки я тогда порвал, хотя это уже лишнее, это молодость...

Третий гвоздь в сердце оказался последним.

Я больше не желал терпеть боль и думал, как отомстить.

1964 год, меня приглашают в библиотеку... Почему? Зачем? Непонятно. Ну да, несколько раз, будучи школьником, заходил туда, может, книги забыл вернуть? Заведующая библиотекой, женщина боевая, увидела меня и сразу повела в подсобку:

– Пойдём, тебя ждут.

Думаю, кто? Сидит директор абхазской школы Тихибия. Я знал его внешне, понаслышке, говорили, пламенный патриот, но меня-то он откуда знает?.. Зачем ему понадобился?

Тихибия поздоровался и с хмылкой спросил:

– Помнишь, когда тебя не взяли на фестиваль, ты сильно кипятился и в адрес грузин слал проклятья?

– Сколько лет минуло... с чего вдруг вспомнили?

– Давно за тобой приглядываю, нравишься ты мне, парень. Настоящий абхаз! Мне такие ребята нужны.

– ?

– Удивлён?

– А что я могу?!

– Один не можешь ничего. Один и я не могу,

никто не может, но если объединимся... Загадаю тебе сейчас загадку: допустим, ты едешь из Сочи на отдых в Абхазию, проезжаешь реку Псоу, что видишь в первую очередь?

– Людей вижу, дома...

– Ты переехал границу, куда попал?

– В Абхазию.

– А видишь ли ты что-нибудь абхазское?

До меня никак не доходит, куда клонит, напрямик не говорит.

– Вот там стоит большой-большой бюст.

– Ну да, Леселидзе.

– Кто он такой?

– Генерал, Герой Советского Союза.

– А ты знаешь, как раньше называлось это село?

– Конечно, Гечрипш.

– Эх, молодёжь! А при чём тут генерал Леселидзе?

Ошарашенный, смотрю на него и чувствую, как одна мысль за другой, цепляясь, пробиваются к свету: «А ведь он прав! Какого рожна делает памятник грузинскому полководцу на абхазской земле? Разве у нас мало своих героев?» Тихибия продолжает:

– Ты знаешь, Гагры скоро переименуют в город Руставели?

Я вскочил как ошпаренный:

– Почему?..

– Есть проспект Руставели – от Колхиды до старой Гагры, кинотеатр «Руставели», школа имени Руставели, совхоз «Руставели», памятник Руставели, бюст Руставели – на одной трассе, на отрезке в девять километров. До тебя дошло?

– Дойти-то дошло, но что могу?..

– Пойми, когда наши школы закрывают, нас зажимают, отодвигают в тень – это не случайность, целенаправленная политика грузинизации. Думайте! Надо народ поднимать, письмами ничего не изменим. С такой покорностью нас скоро всех загонят в резервации и тюрьмы.

На том и расстались. Он не дал мне никакого поручения, ничего толком не объяснил, но разжёл в душе тлеющие угли; он не выдернул гвозди из моего сердца – расшатал, разбередил раны, лишил покоя: «А может, накинуть на шею генерала трос, подцепить к бортовой ГАЗ-51 и свалить. Хватит ли только у «газона» сил? Да и бесподручно одному».

Ночью стучусь к родственнику. Тот спросонья, продирая глаза:

– Ты в своём уме, орра-а! Два часа!

– Халваш, выручай, важное дело.

– Какое дело?

– Одевайся, по дороге объясню.

Он разулыбался... У абхазов, когда хотят же-

ниться, юлят. Раз не говорю прямо, всё понятно, свататься задумал. Какое ещё может быть дело у молодого неженатого парня ночью.

– Если так, я с тобой! Молодец!!!

– Садись в машину.

Проезжаем Гагры, едем в сторону Псоу. Халваш по дороге выпытывает: красивая ли? где живёт? родители? Его можно понять – не терпится. А я от разговора ухожу, думаю, как сказать. Не доезжая до места, сворачиваю на обочину и спрашиваю прямо в лоб:

– Любишь Абхазию?

– Ты чё, пьяный?

– Признавайся честно, любишь-нет?

– Чего задумал?

– Хочу свалить памятник грузинскому генералу.

– Ненормальный?

– Хватит! Скажи лучше, тросом дёрнуть, потянет машина?

– Знаешь, что за это бывает?

– За рулём я. Ты сразу уходи, ты не видел ничего.

– Поехали.

Дождливая ночь, редкие машины...

– Помоги мне зацепить трос, дальше сам.

– Трос не пойдёт – канат.

Сделали петлю, накинули генералу на шею, конец зачекировали к фаркопу.

– Жми!

Запрыгнули в кабину, я – по газам, машина как рванёт, за спиной треск. Не останавливаясь, махнули по трассе, под мост, и по старой дороге – на берег моря. Выходим из кабины, на фаркопе обрывок каната.

– А если бы накинули трос, сами себя поймали.

Он срезал ножом обрывки каната, забросил в кусты. Огляделись, прислушались:

– Вроде тихо.

– Вперёд!

С утра Халваш повёз на самосвале щебень к Псоу, возвращается, смеётся:

– Наш генерал в галстук. Теперь никому ни слова!

Через неделю на улице я случайно столкнулся с Тихибия, загадочно так улынулся... «Чего это он? Ведь не знает». Минуло три года, директор школы пришёл ко мне прямо домой, принёс двухлитровую банку краски, резиновые перчатки, щётку:

– Возьми с собой кого понадежней, ночью замажьте от Шапшаловки в Гаграх до Псоу все надписи на грузинском языке.

Я опять к Халвашу:

– Нам поручение! Смотри, на полке краска, не опрокинь!

За одну ночь покрасили с ним все иероглифы, вернулись под утро. Не мы одни старались – все грузинские названия замазали по всему району.

Первый секретарь ЦК КП Грузии дубасил кулаком по столу:

– Кто посмел на грузинский язык поднять руку? Стереть в порошок! В тюрьмах сгноить!

Комиссия прилетела, КГБ закрутилось... Нашли краску. На третий день узнаём: посадили пицундских пацанов, они занимались тем же у себя. И тут народ проснулся, волнение пошло... На площадь сразу вывалило несколько сот человек, а со всех сторон новые прибывали, прибывали... лозунги стали скандировать:

– Освободите ребят!

А в комиссии одни грузины, никто никого выпускать не собирается. День, второй идёт жёсткий допрос. Девочка-абхазка, секретарь начальника милиции, прибегает встревоженная:

– Там парень собирается всех выдать.

Начальник милиции, полковник, заскакивает туда, в присутствии комиссии хватает пацана за ворот, как тряхнёт:

– Это он молчит?! Да я тебя!.. – затрещину вмазал, а сам на ухо по-абхазски: «Смотри, не продай своих!»

И ушёл. Тем временем мы пустили гонцов по всей Абхазии. Собралось несколько десятков тысяч... Кто на чём добирался: на поездах, автобусах, машинах, пешком... Потребовали встречи с представителем ЦК КПСС. Шёл 67-й год. Добились своего, ребят выпустили. Это была наша первая победа. Раньше в Гагрском районе газета выходила на грузинском и русском, тут добились разрешения выпускать ещё на абхазском языке. Это тоже победа! Я тогда уже работал директором школы, имел филологическое образование, и, так случилось, первым главным редактором назначили меня. Наше сопротивление с годами нарастало как половодье. В 1989 году АНОД – абхазское национально-освободительное движение – переросло в «Народный фронт», затем в «Народный форум».

Сейчас всё нормально, река вернулась в своё русло...

Государственный флаг Абхазии поднят.

Рыба-лоцман

*Я из повиновения вышел –
За флажки, – жажда жизни сильней!
Только сзади я с радостью слышал
Удивлённые крики людей.*

Владимир Высоцкий.
«Охота на волков»

Заур Хварцкия не был оригинален.

Он, как прочие, отказывался встречаться, беседовать... но тоже безуспешно.

– Национально-освободительное движение – главная система координат Абхазии, главная вежа. «Советские люди» – особый, сформировавшийся за несколько десятилетий тип человека, и среди них диссиденты, враги общественного строя. Сколько существовали диссиденты, столько они вещали: «Советский Союз вот-вот рухнет!» А СССР ещё после их смерти десятки лет существовал и процветал. Потом политическая система действительно ушла в небытие, и противники строя, которые до этого дожили, на каждом углу твердили: «Ну, вот видите, я же говорил...» На самом деле никто предположить краха СССР не мог. Мечтать – да, предвидеть – нет. Лукавство...

Мой младший брат Мушни иной.

В 1985 году в Союзе объявили «перестройку», стали появляться первые ростки чего-то нового, непонятного, волнующего. С Прибалтики началось, конфликты, омон-шмамон... Помню репортаж по телевизору: столь непривычные для советского гражданина митинги, какое-то возмущение, лозунги... Брат тогда сказал:

– Всё определяет большинство, это и есть «демократия». Она обойдёт весь Советский Союз и явится к нам. Если будем сидеть сложа руки, нашу судьбу решат за нас, без всякой стрельбы, без всякой войны.

Что он несёт?! Чутье какая... Кто за нас может решить нашу судьбу, если мы не захотим?!

Никто. Бред!

– Как это «решат»?

– А вот так: простым поднятием руки. Демократия, демократия...

Я реально, кожей почувствовал опасность. От его слов исходила мощная энергетика.

Он мог одним-двумя словами такое сказануть... земля рухнет – и верили ему. Я буду объяснять на цифрах, фактах, горячиться, за грудки трясти – мне никто не поверит, слушать не будут. По данным Станислава Лакобы, в 1939 году среди репрессированных 80% абхазы – грузины нас методично уничтожали. Я моментально представил,

как будет выглядеть голосование теперь. Сознание обожгло: «Так вот она какая, демократия!» Вопрос-то лежит на поверхности.

– И что нам делать?

– Как что? Гнать!

– Э, братуха, ты чё? Это же война.

– А ты как хотел?

– Подожди, слушай, при чём здесь... неужели нельзя договориться? – И я достаю главный козырь: – А Советский Союз? Кто тебе даст воевать?

– Ты что, ничего не понял? Когда Она придёт сюда, Советского Союза не бу-у-удет.

Мой младший брат спятил с ума.

– Как может не быть Советского Союза?! Думамай, что несёшь. Весь мир нас боится, трясётся от страха, такая махина, с ракетами, самолётами, танками...

Сегодня, задним числом, рассуждать легко, а тогда... Тогда про демократию слышал всякое, но на вкус не пробовал. Ляпнул бы такое академик из Москвы, я ещё подумал... Но и то не поверил, диссидентствующих речей в горах наслушался вдоволь. А тут родной брат... Младший! Вышел из того же улья, из тех же ворот, откуда и я.

– Кто ты такой об этом судить? Ора, не может быть, чтоб исчез.

Сам чувствую, мои аргументы напоминают чеховское «Письмо учёному соседу»: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

– Увидишь.

– Хорошо, как ты собираешься воевать? Сто тысяч против пяти миллионов?!

– Ты абхазов не знаешь!

– Это не ответ.

Другого я тогда от него не услышал.

Заур рассказывал, а я ловил себя на мысли, что уже раньше читал об этом¹.

– Ясновидцев, прорицателей полно везде...

Одна беда: они не реагируют адекватно на свои же прогнозы. Это всё равно как заявить: «Скоро с моря придёт цунами, нам осталось жить десять часов». Сообщить и преспокойно пойти домой, завалиться спать. Где логика? Если про цунами знаешь точно, беги в горы, спасайся сам, спасай родных. Мой брат, как сказал о грядущих изменениях, сразу стал готовиться к войне: он уехал в

¹ Бердяев Николай Александрович, российский философ: «Почти чудовищно, как люди могли дойти до такого состояния сознания, что в мнении и воле большинства увидели источник и критерий правды и истины! ... Свобода есть право на неравенство».

Питер, закупал в частном порядке оружие, через ребят переправлял в Абхазию. По масштабам армии – смехотворно. Но это оружие ополченцам ой как пригодилось в первые часы. Последнюю ходку брат сделал за месяц до начала войны: два мешка из-под сахара, битком набитые автоматами, винтовками, сам привёз на поезде... в плацкартном вагоне. Мушни и нас всех призывал готовиться к схватке, убеждал: война нужна абхазам, не грузинам, те могут любые вопросы решить мирным путём. Однако, о небо! грузины из всей колоды вытянули именно нашу карту, из высоченной стопки ночных горшков стали вытаскивать нижний...

Да, война выгодна лишь абхазам, только она давала шанс добиться независимости. Был момент, я даже боялся, что войны не будет... Избавиться от грузин для меня – самоцель. Молодёжь улавливает это быстро, а моему поколению вдалбливать тяжело: «Мы жили мирно, проклятые грузины напали, убили Васю». Я вскипаю, когда слышу такое. Твой сын защищал нашу страну. Гордись! Только ценой гибели сына, ценой моей ноги, моего глаза ты можешь сам жить и его внуков растить в собственной – свободной! – стране. Моя нога, которую потерял, мой глаз, который выбило осколком, жизнь любого абхаза – стоят меньше, весят меньше, значат меньше, чем жизнь, судьба всего нашего народа! Ещё сохраняются у нас остатки советско-обкомовского мышления...

– Заур, правильно ли я тебя понял: веди себя Грузия умнее, Абхазия не стала бы отделяться?

– Интересно, ну-ка ещё разок... – Заур слегка растерялся.

– Если бы Грузия поумнее...

– ...Я прошёл романтический возраст. До двенадцати лет мне казалось, что мои папа с мамой самые красивые в мире, такое же отношение было и к республике, но потом человек растёт, кругозор расширяется, взгляды меняются. Прекрасно понимаю: мой народ ничем не лучше любого другого.

– Например, грузинского?

– Да. Абсолютно. Коли б грузинская власть вела себя мудро... Не для нас – для себя! После развала СССР прислали бы уважаемого посла, покалялись: «Да, случались перегибы, нарушения, но всё они, проклятые большевички!» Подкупом, лаской, лестью... Используя партийную прослойку, которую они методично взращивали, при поддержке прихвостней-абхазов, тайными операциями спецслужб. С ужасом об этом думаю! В такой сладкой оболочке пилюлю бы мы проглотили, растаяли в их жарких объятьях. Это был страш-

ный капкан для Абхазии. Абхаз испытывает эйфорию, когда слышит название своей родины... Да, при любом мирном варианте нас бы оприходовали, и через двадцать лет все поголовно балакали на грузинском, незаметно растворяясь в народе, по численности в десятки раз превышающем наш. Я бы не почувствовал опасность... И таких, как я, большинство.

– Заур, смотрю, ты знаешь ответы на все вопросы, скажи, как сделать, чтобы остальные племена вслед за вами не захотели нарушить существующий миропорядок, перекрыть политическую карту, отгородить свой дачный участок государственной границей? Чтоб ни у кого не возникало желания повторить подвиг твоего младшего брата. Например, у вас в Абхазии... продолжая дробить её дальше на части, по нациям, по родам, по фамилиям, по отдельным пацхам...

– Мечта горбуна: он хочет, чтобы все были горбунами. Для нас это страшная головная боль – Абхазии тоже может грозить распад на микро-частицы... Дурень, который на каждом углу за Апсны рвёт ворот рубахи, при этом опаснее всего. В Абхазии есть микрорайоны с компактным проживанием «неабхазов»: и там абхазский русский, абхазский грузин, абхазский армянин должны чувствовать себя хозяевами. Если я эту задачу не решу, проблема возникнет у меня. В то же время Абхазия для нас – единственная родина, не вторая. Мы не можем, если что-то не по нраву, собрать манатки, укатить домой – они могут. Устройство государства должно учитывать эту особинку. Нельзя допустить, чтобы судьбу Абхазии решали люди, у которых голова повёрнута в сторону Афин, Тбилиси, Москвы, Еревана. Они нарешают!.. Абхазские греки за Абхазию воевать не стали: «Разбирайтесь сами!» И уехали... Я, кривой, хромой, израненный, им гарантирую: они сюда не вернуться. – Заур изобразил смачную дулю. – Пусть полюбуются: кукиш им. Поноухайте! Не хотите?! И дети богатых, которые живут за границей, на воздухе висят. Ушёл – уходи. Абхазия принадлежит тем, кто её защищал. Точка.

Я считаю себя представителем Русского мира. Не этноса – мира. О том, что в Америке протекает река Амазонка, узнал из русского языка, и ещё много чего интересного, полезного. Рассуждая прагматично, честно: никто никого не любит. Моему народу выгодней укрепление России, значит, и я желаю этого всем сердцем. Меня не пугает «русский сапог на Кавказе». Будучи крохотным народишком, абхазы защищали на Кавказе инте-

рессы России. Мы делали это не специально, попутно. Акулу всегда окружают много разных нахлебников, однако самые преданные комменсалы² – рыба-прилипала и рыба-лоцман. Акула глотает всё подряд, но своих «подружек» не трогает. Они нужны друг другу, симбиоз по-учёному.

Абхазия функцию рыбы-лоцмана выполняет исправно.

Открытый путь

*Если арба дрова не привезёт,
сама на дрова пойдёт.*

Абхазская пословица

Отечественная война закончилась, Абхазия победила.

С тех пор минуло целых двадцать лет. Что дальше? Чем заниматься в мирной жизни?..

Я застал абхазов как раз в тот момент, когда они мучительно размышляли: «Начинать восстанавливать разрушенное хозяйство или так сойдёт?» Вопрос непростой... Я бы даже сказал, философский. Пока он остаётся без ответа... Абхазская мудрость подсказывает: «Не делай работу, пока не закричит». Пока вроде не кричит...

Жизнь идёт самотёком. Фрукты растут сами по себе, сами опадают. Коровы пасутся самостоятельно... Эх! Кабы научить их подпрыгивать да самим соски дёргать, наступил бы в Абхазии полный рай.

В мире прослеживается парадоксальная тенденция – страны, проигравшие войну, спустя короткий промежуток времени выходят в лидеры мировой экономики: феодальная Япония, разбомблённая в пух и прах Германия, Финляндия, потерявшая часть территории... А Союз Советских Социалистических Республик – СССР – страна, одержавшая победу, сперва подкармливала своих ветеранов продуктовыми пайками, полученными от бывших заклятых врагов, потом «приказала долго жить» и развалилась.

Исчезла с политической карты мира!

А что будет с Абхазией? Не заблудится ли она, как лошадь в тумане?

Надеюсь, нет!

Она превратится-таки в страну-мечту Эльдorado! Верую!

Гостеприимство

*Гость приносит в дом сто мерок счастья,
а уносит одну – тепло этого дома.*

Абхазская пословица

«Биала шэаабейт!» (Добро пожаловать!) – именно с этих слов начинается один из самых священных обрядов абхазского народа – ритуал гостеприимства.

Нугзар, коснувшись этой темы, аж приосанился:

– Абхазия по-нашему – Апсны, Страна души. Кусочек рая на земле, благословенный край! Здесь родилось множество сказаний, притч, легенд. Сейчас расскажу тебе главную.

Господь разделил Землю на части и стал раздавать по куску каждому народу. Все выстроились в очередь, чтобы получить свой надел, свою Родину, не было среди них лишь одного.

Ждал его Господь, ждал и наконец дождался.

– Кто ты?

– Абхаз, – с достоинством ответил горец.

– Где же ты был? Почему не пришёл вовремя?

– Не мог.

– Как так «не мог»? – Господь разгневался не на шутку.

– У меня был гость. Я не мог уйти, не напоив, не накормив его.

– Этим гостем был я, – один из Ангелов склонил голову. – Человек проявил себя как радушный хозяин, я застал его на пороге, но, завидев путника, он вернулся в дом и оказал мне душевный приём.

– Но что ж делать? – задумался Господь. – Я раздал всю землю, ничего не осталось.

– Тогда пойду, – спокойно ответил абхаз и уже собрался уходить, когда Господь окликнул его.

– Постой! Скажи мне, все ли абхазы такие приветливые?

– Конечно. Для нас гость – посланник свыше.

– Вот как! Раз твой народ готов пожертвовать собой, дабы принять уставшего путника, его стоит вознаградить. Дарю вам кусочек земли, который берёг для себя. Пусть и дальше край ваш славится радушием, хлебосольством!

Так нам досталась Абхазия. Давай за неё!

² Комменсализм – способ совместного существования (симбиоза) двух разных видов живых организмов, при котором один из партнёров этой системы (комменсал) возлагает на другого (хозяина) регуляцию своих отношений с внешней средой.

И стоя, как иначе, мы выпили до дна за дивную Абхазию.

– Нугзар, если хоть часть жителей как ты, легенда права!

– Для абхаза гостеприимство – не просто черта характера. Это часть нашей первоосновы под названием «апсуара». В доме истинного абхаза вы – член семьи. Путнику у нас говорят: «Ты – гость самого Творца» (Ушшаз уисасуп), «Ты – гость Господа» (Анцва уисасуп). Согласно традициям абхазов, приходя в чей-то дом, вы доверяете хозяину жизнь и попадаете под защиту самого Бога. А вот тебе ещё легенда...

Во дворе пацхи под чинарой сидел старый Ханашв и шил из сьромчатной кожи чувяки сыну. Залаяла собака. Старик поднял голову: через забор перескочил незнакомец и, увидев старика, бросился к нему:

– Погоня, – он задыхался. – Спаси меня, укрой!

– Забирайся на чердак, дад!¹ – Ханашв приставил лестницу к лазу. – Спрячься в углу на куче шерсти. Будь спокоен: у меня ты в безопасности. Но кто преследует тебя?

– Я убил человека. Его друзья гонятся за мной.

– Кого же ты убил? Как имя?

– Не знаю. Я впервые в вашем селении...

Злобно залаяла собака.

– Пойду гляну, – старик закрыл чердак.

Из-за бугра показалась толпа, Ханашв увидел людей с тяжёлой, завернутой в бурку ношей. При виде знакомой бурки у старика потемнело в глазах, точно полоснули по сердцу кинжалом.

– Крепись, Ханашв! Великое горе пришло в твой дом. Убит твой сын! Клянёмся, отомстим убийце. Он ускользнул от нас в лесу, но мы разыщем и убьём.

– Занесите сына в дом.

Плач и вопли женщин огласили двор.

Двое суток пролежало бездыханное тело сына в пацхе, и двое суток поднимался старик на чердак, кормил гостя. На третьи сутки, после похорон, старик наполнил дорожную сумку едой и, оглядевшись, нет ли кого поблизости, приставил лесенку к лазу чердака:

– Спускайся! Нет никого.

Старик протянул ему торбу:

– Возьми, здесь еды на два дня. Поспеши домой, дад! Ты убил моего единственного сына, но ты попросил крова, и я не мог втоптать в грязь хлеб-соль. Дарю тебе жизнь, уходи, пока тебя не заметили мои сородичи. Смотри, больше не попадайся мне на глаза!

С тем и расстались.

Вот что значит для нас гость, – закончил рассказ Нугзар. – Легенду эту я почерпнул у замечательного абхазского писателя Михаила Лакербая. У него много и других.

P. S.

Антон Павлович Чехов в восторге писал:

«Если бы я пожил в Абхазии хотя месяц, то, думаю, написал бы с полсотни обольстительных сказок. Из каждого кустика, со всех теней и полутеней на горах, с моря и с неба глядят тысячи сюжетов...»

Апсуара

Апсуара – Библия абхазов!
Нугзар Салакая

Нугзар со значением поднял указательный палец:

– Апсуара – сама суть абхазского народа. Наша вера! У Лихачёва «русскость» и «русский» – одно и то же. У нас Абхазия и абхазскость, Апсны и апсуара. Некогда в соседней Мингрелии существовало выражение: «Воспитан в духе апсуара» или «Он – истинный апсуа». Поймёшь апсуару, поймёшь и абхазский народ. Расскажу тебе легенду.

Однажды Алиас подкрался к усадьбе – пора ему рассчитаться с Гедлачом. Два дня и две ночи прошло с тех пор, как тот убил его брата, а сам ещё жив. Нужно убить Гедлача раньше, чем тело брата опустят в могилу, иначе как явиться на похороны? С каким лицом? В пацхе послышались голоса, Алиас узнал голос кровного врага. Он осторожно отодвинул хворостину в стене и приник к щели: перед ним в одном белье сидел за столом Гедлач. «Сама судьба поставила его передо мной», – Алиас просунул в щель дуло ружья, взвел курок, стал целиться...

– Что ты делаешь, безумный? Скорей туши свет! – донёсся до него испуганный голос жены Гедлача.

– Спи, спи, не бойся! – успокоил её Гедлач. – Ничего не случится!

– Скорей туши свечу, – торопила жена. – Ведь где-то поблизости бродит Алиас.

– Сейчас момент неподходящий, – возразил ей Гедлач.

– Почему?

– Ты думаешь, я не знаю, что Алиас день и ночь охотится за мною, чтобы отомстить за брата?

¹ Дад – у абхазов обращение старшего по возрасту к младшему.

– Вот видишь!

– Послушай, что тебе скажу, – спокойно продолжал Гедлач, – Алиас славится как настоящий ахаца¹. Не станет такой отважный, смелый джигит стрелять в безоружного, когда тот в одном белье.

Алиас бесшумно опустил курок и покинул засаду.

– Старики учат нас: «Мужество без человечности является бесчестным. Смерть абхаза в его же аламысе!»² – Нугзар неспешно закурил. – Абхазец по природе – человек скромный, для нас непривычны многие вещи... У нас не принято за себя агитировать. В старину выдвинуть на высокий пост могли лишь старейшины. В селе Лыхны и селе Мыку на всенародном сходе почтенные старики принимали решение по каждому кандидату: ты будешь управлять Абхазией, ты – следить за порядком, ты направляешься послом со стороны России, Турции. Ты отвечаешь за одно, ты – за другое. Так все назначались. Как это самому ходить по дворам, агитировать: «Я хочу быть президентом! Изберите меня!» Наш этикет, веками выработанный, не позволяет произносить подобные слова вслух. Некрасиво. Не надо народу подсказывать, народ знает. Владислав Ардзинба не просил: «Изберите меня! Сделайте меня лидером!» Народ сам доверил ему. У абхазов раньше не было и традиции рекламировать свой товар – это тоже противоречит апсуаре. Ни вино, ни фрукты, ни другую продукцию ремесленники не расхваливали, считалось неприличным. Хозяин никогда не предложит гостю вина, пока не попробует сам, не убедится, что достойное. А с этим пиаром, выясняется, можно разбавить вино водой, раз всё равно купят. У абхазов национальная гордость была главным богатством, главной валютой, сейчас она девальвировалась. Обмелели наши души.

Тут на днях...

Солнечная погода, я, беззаботный, иду на рынок, предвкушаю: куплю молодого барашка на шашлык, встречу друзей, выпьем по бокалу пива, перекинемся новостями... Хорошо на душе. Война кончилась, мир в Абхазии. Я отправился за приятными эмоциями, шёл душу побаловать.

И вдруг гляжу у магазинчика ритуальных услуг... прямо на улице! выставлены гробы!!!

Стоймя стоят, как рыбацкие лодки.

Гробы разных фасонов, цен, цветов, материалов – целый модельный ряд.

И сразу на душе мрачно стало, мурашки побежали по спине...

Ещё куда ни шло рекламировать одежду, строительные материалы... Не возбраняется предлагать скидки, заманивать покупателей бонусами, обещать детям, пенсионерам бесплатную доставку на

дом, три изделия по цене двух. Но не гробы! Мы ещё не забыли ужасы войны. Получается, торговцы хотят, чтобы гробы покупались как можно чаще, желательно оптом. И пусть себе люди дохнут как мухи. Лишь бы гробы разлетались, как горячие пирожки. Деньги не пахнут! Меня пробрал холодок от этих людей, желающих всем нам горя. Стало мрачно от их цинизма, стремления делать бизнес на нашей смерти. Я поднялся в магазин, решил перепроверить, может, показалось:

– У вас что рекламируется на улице?

– Гробы.

– Убрать немедленно!

Помню, я совсем ребёнок, умерла моя любимая бабушка-соседка. Помню похороны, в доме полно народу, приехал из России её сын – полковник, я стою в углу, безутешно плачу. Наконец почтенный старик молча подал военному знак, что гроб пора выносить. В доме тишина, слышны лишь сдавленные стоны да мои всхлипывания. Сын-полковник встал в изголовье, взялся за ручку и скомандовал:

– Ребята, слушай мою команду: раз-два, взяли!

Все, кто находился у гроба:

– Ха-ха-ха!!!

И пошла хохота по всему дому.

Я плачу, ничего понять не могу: «Бабушка умерла, они смеются!» Спустя несколько дней, улучив минутку, дёрнул отца за рукав:

– Баба, почему у гроба смеялись?

– Сынок, абхаз должен соблюдать свои обычаи, традиции, кем бы ни был, полковник их нарушил.

– Что он сделал не так?

– Нельзя в доме покойного произносить ни слова, а у полковника устав воинской службы вытеснил собой всё абхазское, устав заменил апсуару.

* * *

Вячеслав Сакания вторил:

– Любая книга имеет сквозное действие, дальше от него уже идут ответвления. Нужно правильно найти стержень. Наш стержень – апсуара!

Запад нам предлагает многопартийную систему, а мы не доросли до неё.

Ещё после первых выборов не можем забыть распри, простить друг другу обиды и вновь стать братьями, грязные выборные технологии рассорили нас... Мы ведь не умеем ничего обсуждать

¹ Ахаца – герой.

² Аламыс – совесть.

спокойно, выясняем, кто прав, эмоционально, в драке. А наш абхазский менталитет какой: раз холдок прошёл, то на много лет. Получил пощёчину, наутро хряпнули по бокалу и снова друзья – у нас так не бывает... «Война закончилась, быстренько-быстренько помиритесь, надо успеть, посмотрите, весь мир в этой системе, лишь вы отстаёте...» К этому оказались не готовы. Как от общинного уклада одномоментно перейти к индивидуализму? Вчера жили родом, уважали старших, бабушку переводили через дорогу – сегодня предлагается кинуть её посреди проезжей части, пусть добирается сама. Всегда играли в Чапаева – нам предлагают, не слезая с коня, играть в шахматы.

Да, деревянные счёты нужно отложить в сторону и пересесть за компьютер, но чтобы этот выбор приняли горцы, лидера надо избрать по законам той земли, которая взрастила весь народ. Есть ли смысл нам отказываться от апсуары – собственно-кодекса чести, уникальной системы координат, нашей древней философии и менять её на мифические преимущества западной цивилизации? Скрестить их и вывести абхазского козлотура у нас не получится. Апсуара и наша земля нераздельны. Это те природные соки, что подпитывают абхазов. Пересохнет источник – нас ждёт неминуемая смерть.

Игорь Герзмава согласно кивал:

– Знаете, почему топчемся на месте двадцать лет? Хотя как бы создаем, как бы что-то делаем... Раньше в старину над умирающим абхазом главными звучали слова, что он не присвоил ничего чужого. Заявления ждали все, тогда сын у смертного одра получал в наследство самое дорогое – незапятнанную совесть и честь. «У тебя

нет апсура! У тебя нет апсура! У тебя нет апсура!» – самое сильное наше ругательство.

А у нас как получилось?

Грузин прогнали, узаконили мародёрство, стали захватывать их дома, а счастья не нажили! Краденое не приносит счастья, потому как грех это великий. Чужое, как ржа, незаметно разъедает душу изнутри. Мы по сей день тычемся, как слепые котят, не можем найти выход. Почему на глазах у нас пелена? Зачем Боженька кружит нами? Он даёт понять: «Так нельзя!» Не помню, чтобы кто-то из мародёров закончил жизнь хорошо. Жить с чувством, что украл чужой труд, – наказание адово, вся жизнь, каждая ночь пройдёт в страхе. Пусть маленькое, но своё.

Закралась в душу плесень...

Получается, победа красивая, чистая, а потом вляпались в коровье дерьмо!

Кто-то оступился от безысходности, кто-то от боли, кто-то натворил зла от неведения. Те люди, кто себя в этом смысле сохранили, сберегли моральную чистоту, прямо смотрят детям в глаза. И я Бога не боюсь! Я с войны принёс один трофей – фляжку с коньяком. Всё. Я свой долг, как мужчина, в жизни исполнил: чужого не брал, собственными руками построил дом, сына воспитал, дерево посадил, войну выиграл, Родину не предал. Это же я завещаю своему сыну.

(Окончание в следующем номере)

□

Александр Викторович КОСТЮНИН

родился и живет в Карелии.

Окончил Петрозаводский государственный университет.

Прозаик, публицист. Автор трех книг прозы.

В ноябре 2007 года за книгу рассказов «В купели белой ночи»

стал лауреатом премии имени А.И.Куприна

с вручением памятного знака «За вклад в русскую литературу».

Член Союза писателей России.

